

А. В. Майоров

**Послания римского папы Иннокентия IV
к Даниилу Галицкому:
материалы для историко-археографического комментария***

В статье изучается содержание посланий римского папы Иннокентия IV к галицко-волынскому князю Даниилу Романовичу на основании записей в ватиканских регестах и устраняются ошибки, допущенные при их публикации в Актах А. И. Тургенева. Автор доказывает, что инициатором контактов русского князя с папой был Джованни дель Плано Карпини – посланник Апостольского Престола к татарам. Даниил принял решение об унии с Римской церковью после личной встречи с Карпини, произошедшей в середине марта 1246 г. в низовьях Дона. По прибытии в Киев князь отправил к папе гонца. Серия «русских» булл Иннокентия IV от 3 мая 1246 г. явилась ответом на обращение Даниила, доставленное в Лион курьером в конце апреля. На основании анализа исторических данных о скорости движения верхового курьера в средние века автор статьи делает вывод, что письмо Даниила могло быть доставлено в Лион за 32–37 дней. Сравнительно быстрый ответ курии на обращение русского князя был обусловлен действием клирика Гецело из Вильсторфа, лично заинтересованного в успехе переговоров.

Ключевые слова: Даниил Галицкий, Иннокентий IV, Плано Карпини, церковная уния.

Оригиналы посланий Иннокентия IV, как и других римских понтификов XIII в., за редкими исключениями не сохранились до нашего времени. По-видимому, их вообще долго не хранили в папской канцелярии. Вместо этого содержание документов заносилось в специальные архивные книги – *папские регесты (регистры)*.

В период понтификата Иннокентия III (1198–1216) сложился новый порядок работы папской канцелярии, действовавший в течение нескольких столетий. Составление и выдача

* Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, проект 5.38.265.2015.

документов были распределены между четырьмя службами: *аббревиаторы* (*abbreviatores*) составляли черновик (*littera notata*) документа, который затем визировался *папским нотариумом* или *вицеканцлером*, после чего попадал к *переписчикам* (*grossatores, scriptores*), изготовлявшим беловой вариант (*in grossam litteram*); на последнем этапе документ попадал к *буллаторам* (*bullatores, bullarii*), привешивавшим к нему печать (см.: Herde 1967; Schwarz 1972).

На одном из этапов подготовки документов с них как правило снимались копии в папские регесты. Благодаря упорядочению работы канцелярии, начиная с понтификата Иннокентия III регесты сохранились практически полностью. В настоящее время древние папские регесты хранятся в Ватиканском Секретном Архиве (*лат. Archivum Secretum Apostolicum Vaticanum; итал. Archivio Segreto Vaticano*) и составляют особую коллекцию, именуемую *Ватиканскими регестами* (*Regesta Vaticana*). Эта коллекция, насчитывающая свыше двух тысяч томов, сформировалась еще в XVII в. и включает в себя архивные регесты от времен понтификата Иннокентия III и до понтификата Григория XIII (1572–1585) (см.: Natalini 2000; Boyle 2001).

Интенсивное изучение и публикация средневековых документов папской курии начались после того, как в 1880 г. папа Лев XIII (1878–1903) распорядился открыть ватиканские архивы для публичного доступа. Ранее доступ к ним предоставлялся лишь отдельным исследователям в исключительных случаях.

Большинство исследователей полагает, что ватиканские регесты составлялись с нотариально заверенных оригиналов папских документов. Однако, как показал еще Эли Берже, многие заверенные папские документы не были включены в регесты XIII в. (Berger 1884: XVII). В конце XIX в. по этому вопросу развернулась большая дискуссия. Фердинанд Кальтенбруннер утверждал, что существующие ныне регесты являются списками с других, написанных ранее и затем утраченных архивных книг, в которые папские документы были внесены первоначально (Kaltenbrunner 1884: 215, 225). По

мнению Карла Роденберга, содержание папских посланий вносилось в архивные регесты не по аутентичным документам, а из их черновики. Сказанное не исключает, что к регистратору попадали и аутентичные документы, но чаще ему приходилось иметь дело с черновиками (Rodenberg 1887: VII-IX). Взгляды Роденберга разделяли Феодосий Галушинский и Мелетий Войнар – издатели актов Иннокентия IV, касавшихся отношений Апостольского Престола с христианским Востоком (Halušcynskyj, Wojnar 1962: XXXVIII-XXXIX).

Регесты Иннокентия IV

По палеографическим признакам регесты Иннокентия IV (1243–1254) составлены в середине XIII в. и представляют собой писанные каллиграфическим почерком на пергамене архивные книги, переплетенные и пронумерованные в XIX в. Книги составлены из тетрадей, обычно насчитывающих по восемь листов каждая. Все архивные книги с текстами документов времен понтификата Иннокентия IV имеют примерно один и тот же формат листов: высота – 334 мм, ширина – 242–243 мм.

Первоначально регесты велись по годам, и тексты документов каждого года правления папы заносились в отдельную архивную книгу. Отдельно записывались тексты общих посланий папы (*litterae communes*), отдельно – тексты куриальных посланий (*litterae curiales*) и актов церковных соборов. После того, как в середине XIX в. регесты Иннокентия IV были переплетены заново, возникли существующие донныне архивные тома, каждый из которых включает в себя регесты сразу нескольких лет понтификата. В новых томах возникла новая сквозная нумерация листов, но сохранилась первоначальная нумерация документов, особая как для каждого года понтификата, так и для каждого из названных видов документов.

Регесты первых пяти лет, а также с восьмого по двенадцатый годы понтификата полностью сохранились (без сколько-

нибудь значительных утрат и повреждений) и в настоящее время находятся в Ватиканском Секретном Архиве, где они составляют три объемистых архивных тома, имеющие в общей коллекции папских регестов номера 21, 22 и 23.

Регесты шестого года, к сожалению, имеют значительные дефекты и утраты в начале. Содержащий их том ныне хранится в Отделе рукописей Национальной библиотеки в Париже (Manuscript latin, 4039) (см.: Barbiche 1975: 169-289). Регесты седьмого года понтификата полностью утрачены.

Утраты произошли вследствие перевода Ватиканского архива в Париж после того, как в 1809 г. решением императора Наполеона I светская власть Римского понтифика и Папское государство были упразднены, а папа Пий VII (1800–1823) выслан во Францию. Большая часть архивных фондов была возвращена после падения Наполеона, однако часть документов осталась в Париже или была утрачена при перевозке.

Поскольку известные ныне послания Иннокентия IV в адрес галицко-волынского князя Даниила Романовича были составлены в период между 3 мая 1246 и 23 января 1248 гг., в настоящей работе нас будут интересовать прежде всего регесты третьего, четвертого и пятого годов правления этого папы, которые ныне входят в 21-ый том ватиканских регестов.

21-ый том ватиканских регестов (*Regesta Vaticana*. Vol. 21), 558 лл., содержит тексты официальных документов первых пяти лет понтификата Иннокентия IV, охватывающих период с июля 1243 по июнь 1248 гг.

Начинается словами: «Начинаются регесты первого года [понтификата] господина папы Иннокентия Четвертого» (*Incipit regestum primi anni domini Innocentii pape Quarti*). Первым помещено послание к Реймскому архиепископу от 2 июля 1243 г.: «Епископ Иннокентий, раб рабов Божиих, достопочтенному брату архиепископу Реймскому и его сторонникам...» (*Innocentius episcopus servus servorum Dei, venerabili fratri archiepiscopo Remensi et suffraganeis suis...*).

Кончается словами «Таким же образом и жителей города Анконы» (*In eumdem modum populo civitatis Acconensis*) кури-

ального послания от 25 мая 1248 г. с требованием к руководству рыцарских орденов, а также жителям итальянских портовых городов отказать в содействии низложенному императору Фридриху II и его сыну германскому королю Конраду IV в проведении наступательных действий «в заморских частях Иерусалимского королевства».

Регесты первого года (июль 1243 – июнь 1244 гг.) содержатся на лл. 1–117 об., всего 747 пронумерованных записей только с текстами общих посланий.

Регесты второго года: (декабрь 1244 – июнь 1245 гг.) содержатся на лл. 121–212 об. (лл. 118 и 120 чистые), первая серия – 647 пронумерованных записей текстов общих посланий, вторая серия – 13 пронумерованных записей с текстами куриальных посланий, имеющих особую нумерацию, а также записи текстов Постановлений Лионского церковного собора.

Регесты третьего года (июль 1245 – июнь 1246 гг.) содержатся на лл. 213–306, первая серия – 627 номеров с текстами общих посланий, вторая серия – 30 номеров с текстами куриальных посланий, лл. 307 и 308 чистые.

Регесты четвертого года (июль 1246 – июнь 1247 гг.) содержатся на лл. 309–434 об., первая серия – 916 номеров с текстами общих посланий, вторая серия – 133 номера с текстами куриальных посланий.

Регесты пятого года (июль 1247 – июнь 1248 гг.) содержатся на лл. 439–558 об., первая серия – 1000 номеров с текстами общих посланий, вторая серия – 57 номеров с текстами куриальных посланий.

Сколько имен у Даниила Галицкого?

3 мая 1246 г. папой Иннокентием IV было отправлено сразу несколько посланий (ныне известно не менее семи), имевших различных адресатов, но в равной мере касавшихся Руси, в частности, вопросов церковной унии и противостояния татарам.

В научной литературе (прежде всего, отечественной) эти документы известны почти исключительно по публикации актов, собранных А. И. Тургеневым. Среди них выделяется обширное послание, адресованное «светлейшему королю Руси Иоанну» (Joanni illustri Regi Russie) (Turgenev 1841: 58, nr. 65). В письме папа пространно и красноречиво говорит о единстве церкви и об объединении усилий всех христиан в общей борьбе против татар. Выразив свою радость по поводу стремления русского короля «вернуться к почитанию Апостольского престола и послушанию нам», папа сообщает об отправке на Русь «архиепископа Пруссии и Эстонии, легата Апостольского престола, человека, особо близкого нашему сердцу, одаренного знанием наук, честного нрава, мужа зрелого совета, который поведаст слова жизни и устно полнее сообщит вам, изложив волю нашу и наших собратьев»¹.

Имя посылаемого на Русь папского легата в письме не названо. Вместе с тем в другом опубликованном в Тургеневских актах послании Иннокентия IV, датированном тем же днем и адресованном непосредственно вновь назначенному легату, читается имя получателя – Генрих: «досточтимому брату Генриху, архиепископу Пруссии, Ливонии и Эстонии, легату Апостольского престола» (*venerabili Fratri Henrico Archiepiscopo Prussiae, Livoniae et Estoniae Apostolicae sedis Legato*) (Turgenev 1841: 56, nr. 61).

Однако, как было показано в последующих публикациях документов Ватиканского Секретного Архива, в оригинале Регестов Иннокентия IV имени прусского архиепископа и папского легата на Руси в адресованных ему буллах от 3 мая 1246 г. не значилось (Berger 1884: 272, nr. 1819; Welykyj 1953: 31-32, nr. 14-15; Haluščynskyj, Wojnar 1962: 68-69, nr. 27-27a).

У исследователей не вызывает сомнений, что в действительности получателем этих посланий был архиепископ Аль-

¹ «Archieposcopum Prussiae et Estonie, Apostolice Sedis legatum, virum utique secundum cor nostrum, morum honestate decorum, litterarum scientia preclsum, et consilii maturitate preclsum, qui vobis verba vite deferet, et nostram, et fratrum nostrorum plenius voluntatem exponet» (Turgenev 1841: 58-59, nr. 65).

берт фон Зуербеер (ок. 1200–1272/73) (Goetze 1854: 20, Anm. 53; Potthast 1875: 1025, nr. 12093; Eubel 1913: 420 (Rigen nota 5); Soranzo 1930: 88; Ammann 1936: 254 f; Ammann 1948: 47; Selart 2007: 215). Он же, следовательно, упоминается и в процитированном выше послании к королю Руси, удостоившись самых высоких похвал папы.

Альберт фон Зуербеер – хорошо известный политический и церковный деятель середины XIII в., биография которого неоднократно становилась предметом специального изучения историков: первая посвященная ему монография была издана в Санкт-Петербурге еще в 1854 г. (Goetze 1854).

Получив блестящее образование в Сорбонне, Альберт стал магистром и священником в Бремене. В 1228 г. бременский архиепископ Герхард Ольденбургский назначил его епископом Риги, однако местный клир этого назначения не принял и избрал своего кандидата. В 1240 г. Альберт стал архиепископом Арма и примасом Ирландии. В 1245 г. на Первом Лионском соборе он решительно поддержал Иннокентия IV, объявившего о низложении германского императора Фридриха II. Вскоре после этого Альберт был назначен папой архиепископом Пруссии, Ливонии и Эстонии, а также легатом в Готланде, Голштейне, Рюгене и на Руси, в 1246 г. Альберт возглавил также Любекскую епархию, а в 1253 г. стал архиепископом Риги (см.: Selart 2002: 11-21).

Об отправке Альберта фон Зуербеера на Русь в качестве папского легата свидетельствует также епископ Ассизи Николо да Кальви (Николай из Курбио). В семнадцатой главе составленного им Жизнеописания Иннокентия IV – «О том, как папа отправлял послов к различным народам» (*Quod Papa misit nuntios ad diversas gentes*) – читаем: «К русским, приславшим к римской курии свое торжественное посольство, [папа] также послал своего легата, через которого они были проинструктированы и проинформированы о католической вере с сохране-

нием греческих обычаев и обрядов, послан же был господин Альберт, архиепископ Ливонии и Пруссии»².

Если личность упомянутого в папской булле от 3 мая 1246 г. *архиепископа Пруссии и Эстонии* не вызывает сомнений, то идентификация русского адресата послания – *светлейшего короля Руси Иоанна* – порождает определенные затруднения.

Уже первые публикаторы интересующего нас письма папы идентифицировали его получателя как Даниила Галицкого (Ripoll 1729: 163, nr. 140). Эта точка зрения полностью утвердилась в XIX в., прежде всего, в публикациях А. И. Тургенева и Питера Отто фон Гётце (Turgenev 1841: 58, nr. 65; Geotze 1854: 19-20, 177, nr. 3), воспроизведенных впоследствии другими публикаторами средневековых источников – Карлом Эдуардом Напьерским, Фридрихом Георгом фон Бунге и Густавом Венцелем (Napierky 1848: 406, nr. 57; Bunge 1857: 14, nr. 214; Wenzel 1869: 211-212, nr. 139).

Август Поттхаст предлагал вместо *Ioann* читать *Daniel* (Iohanni (*legatur* Danieli) regi Russiae nunciat...) (Potthast 1875: 1025, nr. 12097). Чтение Поттхаста принял Н. П. Дашкевич, полагавший, что все папские буллы от 3 мая 1246 г., адресованные королю Руси, предназначались Даниилу Галицкому и его подданным: «Папа имел в виду вообще православный люд галицко-волынских земель, который, согласно начатым с Даниилам переговорам, считался изъявившим покорность Римской церкви» (Дашкевич 1884: 160). Вслед за Поттхастом и Дашкевичем в короле Иоанне папской буллы усматривала галицко-волынско-го князя Даниила Романовича автор русского перевода документа С. А. Большакова (Большакова 1976: 123, № 1).

Некоторые новейшие исследователи приходят к выводу, что имя *Иоанн* было вторым крестильным именем Даниила

² «At Rutenos quoque, qui ad Romanam curiam suos solemnes nuntios destinarunt ut eis Legatum mitteret, per quem instruerentur et informarentur in side catholica, cum more Graecorum et ritu viverent, missus est Dominus Albertus Archiepiscopus Livoniae et Prussiae» (Niccolò di Calvi 1990: 269-270).

Галицкого, которое он получил в честь св. Иоанна Златоуста (Рапов 1977: 188; Войтович 2006: 492; Ужанков 2009: 365; Александрович, Войтович 2013: 14-15). В доказательство приводятся свидетельства Галицко-Волынской летописи о том, что Даниил Романович возвел в своей новой столице Холме храм во имя Иоанна Златоуста (Ипатьевская летопись 1998: 826, 842-843). Такая точка зрения сегодня получила широкое распространение в справочной литературе, в том числе в изданиях по генеалогии Рюриковичей (Рапов 1997: 47; Платонов 2000: 200; Пчелов 2001: 134, 390; Пчелов 2003: 152, 308).

Не все историки, однако, принимают такую возможность. «В издании А. И. Тургенева, – пишут А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, – фигурирует папская грамота Иннокентия IV, обращенная к королю Руси Иоанну, что заставляло исследователей приписывать имя *Иоанн* в качестве второго христианского то Даниилу Романовичу Галицкому, то его младшему брату Василько. Однако адресат этого послания не выяснен...». Далее, ссылаясь на мнение М. С. Грушевского, цитируемые авторы приходят к выводу: «...само имя *Иоанн* присутствует, по-видимому, лишь в некоторой предварительной версии текста. В оригинале (папского послания. – А. М.) этого имени нет» (Литвина, Успенский 2006: 213, 533-534).

Как видим, в новейшей литературе по-прежнему остается невыясненным вопрос о том, могло ли имя *Иоанн* принадлежать галицко-волынскому князю Даниилу Романовичу. Кроме того, высказываются сомнения относительно личности *светлейшего короля Руси*, получателя папской буллы от 3 мая 1246 г.

Даниил Романович или Иван Всеволодович

Если папа Иннокентий IV действительно именовал Даниила Галицкого Иоанном, то естественно ожидать, что и в дальнейшем понтифик придерживался бы такого же именованя. Однако этого не происходит. В посланиях 1247–1248 гг. папа, обращаясь к галицко-волынскому князю, именует его

Даниилом. «Светлейшему королю Руси Даниилу» адресованы три письма папы, датированные 27 августа 1247 г. (Archivum Segreto Vaticanum. Regesta Vaticana. Vol. 21. Fol. 459v. Nr. 172-174), а также послания от 12 сентября 1247 г. (Fol. 460v. Nr. 187) и 23 января 1248 г. (Fol. 555. Nr. 38) (см.: Turgenev 1841: nr. 67-69, 74, 77; Большакова 1976: № 5-8, 10).

Можно предположить, что в первом послании папы произошла какая-то ошибка в употреблении имени галицко-волинского князя, устраненная в дальнейшем. Но не меньше оснований считать, что письмо понтифика было адресовано какому-то другому князю.

Е. Е. Голубинский, к примеру, полагал, что свое первое послание на Русь Иннокентий IV адресовал брату Даниила, Васильку Романовичу (Голубинский 1997: 83, прим. 2). Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что сын Василька Владимир был назван в крещении Иоанном (Ипатьевская летопись 1998: 919-920, 927), и это, как будто, может свидетельствовать о каком-то особом почитании св. Иоанна в семействе волинских князей.

Против атрибуции адресата папских посланий от 3 мая 1246 г. как Даниила Галицкого высказывался Б. Я. Рамм. По его мнению, сторонники такого решения неправомерно связывали майскую серию папских посланий 1246 г. с августовско-сентябрьской серией 1247 г., упуская из виду, что при этом неизбежно должен возникнуть вопрос о том, почему письма 1247 г. до некоторой степени повторяют по содержанию письма предыдущего года и притом ни разу на них не ссылаются, как это обычно бывало в практике папской курии в подобных случаях» (Рамм 1959: 160-161).

Рамм соглашается с предположением, выдвинутым в 1957 г. Джеймсом Затко, согласно которому вся серия папских посланий 1246 г. имела в виду того из русских князей, кто действительно носил имя Иван. Таковым тогда был один из братьев великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича. Родившийся в 1197 или 1198 гг. князь Иван, младший сын великого князя Всеволода Большое Гнездо, занимал скромный княжеский стол в Стародубе (близ Суздаля). Иван

Всеволодович неоднократно упоминается в летописях, его имя значится среди князей, переживших нашествие Батыя (Zatko 1957: 33-52).

Возможность обращения папы к Ивану Всеволодовичу поддерживается следующими фактами.

Зимой 1245/46 г. великий князь Ярослав Всеволодович отправился сначала к хану Бату на Волгу, а затем прибыл к великому хану в Каракорум. Здесь его застал папский легат Иоанн дель Плано Карпини, который об этой встрече упоминает в своей Истории Монгалов (Плано Карпини 1957: 50, 54, 57, 61). В результате состоявшихся между ними переговоров Ярослав Всеволодович принял католичество. Об этом факте известно из письма папы Иннокентия IV к сыну Ярослава Александру Невскому от 23 января 1248 г. В письме папа ссылается на донесение Плано Карпини, сообщившего, что Ярослав «смиренно и почтительно признал послушание римской церкви, матери своей», и принес обет папскому легату (*sui obedientiae Romanae ecclesiae matris suae in ejusdem fratris manibus devote, ac humiliter se devovit*) (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 555. Nr. 42) (ср.: Turgenev 1841: nr. 78).

Авраам Бзовский (Bzovius) (1567–1637) – один из продолжателей Церковной истории Цезаря Барония – сообщает (без указания своего источника), будто Ярослав даже «принял от Карпини монашеское платье и устав св. Франциска и, отрекшись от мира, сделал большие успехи в монашеском житье и в святости» (*habitum religionis et poenitentiae S. Francisci suscepisset et abdicato saeculo magnos profectus in discipline regulari et sanctitate fecisset*) (Bzovius 1621: 539).

Достоверность последнего сообщения вызывает сомнения. Вместе с тем, готовность Ярослава пойти на какое-то соглашение с представителем папы и, очевидно, согласие на принятие им католичества едва ли можно оспаривать. Нельзя думать, что слова папы в его послании к Александру Невскому об его отце были пустым вымыслом. Во всяком случае, с монгольским двором русские князья поддерживали постоянные связи, и Александр Ярославич имел возможность проверить содержащиеся в папском послании сведения относи-

тельно последних дней своего отца, скончавшегося в Каракоруме.

Кроме того, Карпини, по всей видимости, был лично знаком с Александром. Среди свидетелей своего пребывания у татар папский посол называет «сына князя Ярослава», которого он встретил в ставке Батыя на пути в Каракорум (Pian di Carpine 1989: 331-332; Плано Карпини 1957: 82). Возвращаясь из Монголии, Карпини узнал, что, этот сын Ярослава, оставшийся у Батыя, тщетно уговаривал черниговского князя Михаила Всеволодовича поклониться монгольским идолам, поясняя, что в противном случае его ждет смерть (Плано Карпини 1957: 29). С большой вероятностью можно предполагать, что неназванным по имени сыном Ярослава, сопровождавшим его в поездке к татарам, был именно Александр (Selart 2007: 217).

Вместе с тем, в виду малой важности фигуры стародубского князя Ивана Всеволодовича для русской истории некоторые авторы выдвигали (без всякого, впрочем, обоснования) на роль *короля Руси Иоанна* более значительных с их точки зрения правителей, – например Александра Невского (Patze 1958: 81) или кого-то из русских князей, правивших в районе Западной Двины (Даугавы) (Ammann 1960: 120).

Однако, построения Затко – Рамма, видевших в *короле Иоанне* стародубского князя Ивана Всеволодовича, как и тех исследователей, кто пытался приурочить имя *Иоанн* к кому-то из галицко-волинских князей, в равной мере страдают от недостатка источниковедческой критики используемых сведений. По-видимому, большинство современных авторов, пишущих об отношениях Руси с Римом, не только не имели возможности прямого обращения к архивным документам, сохранившим тексты папских посланий, но, ограничившись цитированием Тургеневских актов (по изданию 1841 г.) даже не потрудились проверить их по другим публикациям, прежде всего новейшим изданиям регестов Ватиканского архива.

*Списки и публикации буллы Cum is qui
от 3 мая 1246 года*

Оригинал буллы, часто именуемой в литературе «Cum is qui» (по начальным словам ее текста в папских регестах) неизвестен и, вероятнее всего, утрачен еще в древности. О содержании документа ныне можно судить по нескольким архивным копиям, большая часть которых – поздние, а также печатным изданиям XVII–XIX вв. В них мы находим в основном лишь незначительные разночтения, не затрагивающие существа документа.

Как известно, публикация собранных А. И. Тургеневым исторических актов осуществлялась не по их оригиналам или древнейшим спискам, а по новейшим копиям, специально изготовленным по заказу и на средства высокопоставленного русского дипломата. Верность копий, снятых с папских регестов и других ватиканских документов, удостоверял граф Марино Марини, занимавший в 1815–1855 гг. пост префекта Ватиканского Секретного Архива. Собранные таким образом материалы были представлены императору Николаю I и затем по его распоряжению переданы в Археографическую комиссию для опубликования.

В результате деятельности Тургенева возникло несколько новых списков многих древних документов, не всегда соответствовавших оригиналам. Из археографических примечаний, сделанных А. Х. Востоковым (непосредственно готовившим к публикации Тургеневские акты), явствует, что издатель располагал тремя списками папской буллы *Cum is qui*, адресованной королю Руси, и только в одном из них значилось имя Иоанн (Joanni illustri Regi Russie Innocentius Episcopus servus servorum Dei). Этот список, удостоверенный личной подписью М. Марини и скрепленный печатью ватиканского архива, был положен в основу публикации как наиболее исправный с точки зрения издателя.

В еще одном списке, полученном Тургеневым от Марини и также имевшемся в распоряжении Востокова, читается сальютация без имени: «Illustri Regi Russiae salutem et apostolicam

benedictionem». Наконец, в третьем списке, использованном при печатании Тургеневских актов, составленном аббатом Джамбаттистой Альбертранди для историка Адама Нарушевича и затем подаренном польским королем Станиславом Понятовским русскому посланнику в Варшаве Я. И. Булгакову, салютация русского короля имеет другой вид: «Dilecto Filio Illustri Russiae Regi salutem».

Копия, положенная Востоковым в основу публикации послания к светлейшему королю Иоанну, как явствует из сопровождающей текст документа археографической легенды, была снята с оригинала регестов третьего года понтификата Иннокентия IV ватиканского архива (An. III, epost. 476). Однако, обращение к этому оригиналу показывает, что интересующий нас документ не только не содержит указания имени «короля Руси», но и вообще не адресован последнему, поскольку представляет собой окружное послание понтифика «Ко всем верующим во Христа, находящимся в пределах Руси» (*Universis Christi fidelibus in Russiae partibus constitutis*), в котором лишь несколько строк обращены к не названному по имени королю.

Обширный текст этого послания помещен на л. 275 об. 21-го тома ватиканских регестов, под номером 476 среди записей текстов общих посланий третьего года понтификата Иннокентия IV (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 275v. Nr. 476). Вместе с тем, на том же листе в сильно сокращенном виде и без указания номера помещен близкий по содержанию, но не тождественный текст еще одного послания Иннокентия IV, адресованного «светлейшему королю Руси» (*illustri regi Russiae*) с пометкой «то же самое» (*in eundem modum*). В этой записи также нет упоминания личного имени короля Руси.

Наличие пометы *in eundem modum* в начале текста, а также отсутствие номера записи показывает, что, вероятно, в силу близкого сходства двух «русских» посланий папы составитель регестов воспринимал их как разновидности одного и того же документа. Таким же образом решали дело и первые публикаторы буллы *Cum is qui*, воспроизводя только один из вариантов текста документа (см.: Raynaldi 1667: ad an. 1246,

§ 29; Turgenev 1841: 58-59, nr. 65; Potthast 1875: 1025, nr. 12097).

Между тем, о существовании двух оригиналов, различающихся между собой только в последней части текста, свидетельствуют также материалы Архива Ордена доминиканцев. Их систематический сбор и публикация начались еще в XVII в., когда по запросу высшего руководства ордена были проведены специальные разыскания во всех провинциальных архивах и началось составление общеорденского буллариума. Тексты многочисленных исторических документов копировались, систематизировались и вносились в специальные архивные книги. Результатом этой работы стала публикация восьмитомного Буллариума Ордена доминиканцев (*Bullarium ordinis FF Praedicatorum*), начатая Томасом Риполлом в 1729 г.

В Буллариуме на разных листах помещены оба текста буллы *Cum is qui*. Текст послания ко всем христианам Руси, помещающийся на л. 596 книги А орденского архива (ex Archivio Ordinis. Lib. A. Fol. 596), приведен полностью в том же виде, как и в ватиканских регестах (Ripoll 1729: 162, nr. 139); за ним, на л. 598 (Arch. Ord. Lib. A. Fol. 598) помещался в сильном сокращении текст послания к королю Руси (Ripoll: 163, nr. 140).

Оба текста содержались также в копии регестов Иннокентия IV, хранившейся в Королевском Секретном Архиве в Кенигсберге (Königlichen Geheimen Archiv zu Königsberg). Пространный текст послания ко всем христианам Руси по кенигсбергскому списку опубликован Питером Отто фон Гётце (Goetze 1854: 171-172, nr. 3). Как явствует из этой публикации, текст кенигсбергского списка папских регестов полностью соответствует тексту регестов третьего года понтификата Иннокентия IV (ныне входящих в состав 21-го тома ватиканских регестов) и сохраняет общую с ним нумерацию документов. Из публикации Гётце также следует, что в кенигсбергской копии папских регестов имелся краткий текст послания к королю Руси, который исследователь публиковать не стал, ограничившись лишь упоминанием о нем (Goetze 1854: 19-20, Anm. 55).

Таким образом, о своей радости от «озарения сердец» в стремлении вернуться к «почитанию Апостольского престола» и об отправке на Русь прусского епископа в качестве своего легата папа уведомлял не только «короля Руси», но и всех русских христиан, для чего было составлено два соответствующих послания.

В полученных Тургеневым от Марини копиях буллы *Cum is qui*, вероятно, по недосмотру переписчика произошла замена адресатов: полный текст в виде окружного послания ко всем христианам Руси был представлен как текст частного послания к королю Руси. В результате при публикации Тургеневских актов несуществующий в ватиканских регестах полный текст послания к королю Руси был напечатан как основной текст буллы, а сам король Руси получил несуществующее имя *Иоанн* (Turgenev 1841: 58, nr. 65). Эти же неточности повторяются в публикациях Венцеля и Поттхаста (Wenzel 1869: 211-212, nr. 139; Potthast 1875: 1025, nr. 12097).

Если напечатанный в Тургеневских актах текст буллы *Cum is qui* в виде послания к королю Руси хотя бы частично соответствует тексту ватиканских регестов и других ранних копий, то указанное в нем имя короля *Иоанн* не встречается ни в одном из известных нам ранних списков этого документа. Как уже отмечалось, этого имени нет в оригинале регестов Иннокентия IV, и этот факт нашел отражение уже в работе Одорико Райнальди, первым опубликовавшего документ во 2-м томе своего продолжения Церковной истории Цезаря Барония (Raynaldi 1667: ad an. 1246, § 29). Как следует из публикаций Риполла и Гётце, личного имени короля Руси не значилось и в копиях, происходивших из Архива Ордена доминиканцев и Королевского Секретного Архива в Кенигсберге, (Ripoll 1729: 162-163, nr. 139-140; Goetze 1854: 171-172, nr. 3).

Остается только догадываться, каким образом имя *Иоанн* оказалось в копии, заверенной Марини и предоставленной Тургеневу. По всей видимости, это произошло вследствие неудачных попыток произвольной реконструкции начального протокола некоторых древних актов (скопированных в папских регестах без точного соблюдения формуляра), опирав-

шейся на неверные исторические представления ватиканских архивистов первой половины XIX в.

После открытия в 1880 г. Ватиканского Секретного Архива для свободного доступа исследователей, когда началась систематическая работа по изучению и изданию папских регестов, постепенно были устранены многие ошибки, допущенные в прежних изданиях. Это касается, в том числе, и интересующей нас буллы. В сокращенном виде ее текст в соответствии с записями в ватиканских регестов, был опубликован Эли Берже, впервые показавшим, что основной текст документа представляет собой окружное послание папы ко всем христианам Руси, в сокращенном виде продублированный как послание к неназванному по имени русскому королю (Berger 1884: 271, nr. 1817).

В последующих публикациях Яна Пташника и Атанасия Григория Великого, выполненных по записям ватиканских регестов, впервые воспроизведены оба варианта буллы *Cum is qui* как два особых исторических документа: окружное послание, оригинал которого предназначался, вероятно, для вновь назначенного папского легата на Руси архиепископа Альберта фон Зуербеера, и личное послание королю Руси. При этом в публикации Великого сокращенный текст последнего был восстановлен путем соответствующих заимствований из текста первого (Ptašnik 1914: 26-27, nr. 43-44; Welykyj 1953: 28-31, nr. 12-13).

В наиболее основательной на сегодняшний день публикации актов Иннокентия IV, относящихся к связям курии с христианским Востоком, подготовленной Папской комиссией по редактированию Кодекса канонического права Востока (*Pontificia comissio ad redigendum Codicem iuris canonici Orientalis*) и выпущенной под редакцией Феодосия Галущинского и Мелетия Войнара, также приводятся оба интересующие нас документа (Haluščynskij, Wojnar 1962: 64-67, nr. 26-26a).

В археографическом примечании публикаторы указывают, что в рукописи регестов послание Иннокентия IV к «светлейшему королю Руси» приведено без указания номера документа (Haluščynskij, Wojnar 1962: 67, n. 1). Впрочем, и публи-

кация Галушинского – Войнара не лишена недостатков: окружное послание Иннокентия IV христианам Руси здесь ошибочно датировано 3 марта 1246 г. (Halušcynskuj, Wojnar 1962: 64, nr. 26).

Таким образом, мы приходим к выводу, что единственным достоверно подтвержденным личным именем Даниила Галицкого могло быть только имя *Даниил*, выполнявшее одновременно функции как княжеского (светского), так и христианского (крестильного) имени. Для предположения о наличии у этого князя еще одного христианского имени нет достаточных оснований. Тем самым, не находит подтверждения и версия об особой сакральной связи Даниила Романовича с Иоанном Златоустом, будто бы выступавшим в качестве его патронального святого. По нашему мнению, в качестве такового следует признать св. Даниила Столпника (см.: Майоров 2011с: 32-50).

Предположения о двух христианских именах Даниила Романовича возникли вследствие археографической ошибки, допущенной издателями Тургеневских актов и воспроизведенной в русском переводе буллы от 3 мая 1246 г., выполненном по этому изданию С. А. Большаковой. Между тем, на отсутствие имени *Иоанн* в оригинале послания Иннокентия IV указал еще Владислав Абрахам, сличивший текст тургеневской копии с оригинальными записями в папских регестах по публикации Э. Берже (Abraham 1904: 125, przur. 6; см. также: Грушевський 1905: 70, прим. 1). Впоследствии историками были отмечены и другие недостатки, допущенные при публикации Тургеневских актов (см.: Forstreuter 1963: 298-299).

Строительство Даниилом Романовичем в Холме храма в честь Иоанна Златоуста само по себе не может быть свидетельством того, что между князем и святым существовала патронимическая связь. Иначе придется считать, что такая же связь существовала между Даниилом и свв. Козьмой и Дамианом, в честь которых в Холме был возведен еще один храм, причем оба храма построены в одно и то же время. Вместе с тем, не приходится сомневаться, что св. Иоанн пользовался почитанием в семье Романовичей, поскольку это имя, как уже

отмечалось, в крещении получил князь Владимир Василькович, племянник Даниила.

3 мая 1246 г. из папской канцелярии вышли еще пять документов, касавшихся Руси и ее короля. Все они представлены уже в собрании Тургеневских актов (№г. 61-66), но лишь часть из них получила более широкую известность, благодаря переводам на русский и украинский языки.

Две из названных булл были адресованы прусскому архиепископу Альберту: в одном послании папа убеждал его принять полномочия легата на Руси (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 275v–276. Nr. 478), а в другом – предоставлял ему полномочия назначать на Руси латинских епископов, прежде всего, из числа доминиканцев, францисканцев, членов других католических орденов, а также из светского духовенства (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 276. Nr. 479).

Еще два послания были непосредственно адресованы не названному по имени «светлейшему королю Руси» (Regi Russiae illustri). В первом из них папа сообщает о своем решении принять короля Руси и все его королевство «под покровительство Святого Петра и наше» (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 276. Nr. 480). В другом письме, имеющем того же адресата (Eidem), папа извещает об отправке монахов-доминиканцев (братьев-проповедников) Алексея и не названного по имени «его спутника, который был с ним в Богемии» (fratres Alexium et ... socium eius, qui cum ipso fuit in Boemia). Упомянутые доминиканцы направлялись к королю Руси «с теми же полномочиями, как у тех, кто были отправлены к татарам» (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 276. Nr. 481). Очевидно, папа имел здесь в виду посольство Плано Карпини.

Наконец, в еще одном послании, адресованном непосредственно братьям-проповедникам, Иннокентий IV сообщает, что направляет их к королю Руси по его просьбе и повелевает «незамедлительно предстать пред этим королем и находиться при нем, сколько ему будет угодно» (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 276. Nr. 482).

**Начало контактов Даниила Галицкого
с Иннокентием IV**

Как отмечалось выше, уже первыми публикаторами папских актов сделан вывод, разделяемый большинством исследователей, что получателем посланий Иннокентия IV от 3 мая 1246 г. был галицко-волынский князь Даниил Романович, состоявший в переписке с папами еще несколько лет и последовательно титулуемый ими *королем Руси*.

Однако при такой точке зрения остаются нерешенными некоторые важные вопросы, относящиеся как к хронологии, так и к содержанию папских посланий.

Вся серия «русских» булл от 3 мая 1246 г., несомненно, была ответом на какое-то обращение к курии короля Руси с просьбой об унии с Римской церковью: «Как мы узнали, – писал папа, обращаясь к королю Руси и всем людям его королевства, – вы стремились вернуться к почитанию Апостольского престола и послушанию нам» (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 275v. Nr. 476). Из послания, адресованного непосредственно королю Руси следует, что о желании вернуться под покровительство Святого Петра папу известил этот последний: мы, – писал Иннокентий IV, – «охотно вняли твоим мольбам и благожелательно выслушали просьбы твои»; и далее: «склоненные твоими мольбами, мы принимаем тебя и означенное королевство под покровительство Святого Петра и наше» (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 276. Nr. 480).

По всей видимости, обращение к папе короля Руси в свою очередь могло стать откликом на соответствующее предложение Римской курии, доставленное на Русь каким-то посланцем папы. Более всего на эту роль подходит, как представляется, папский посланник к татарам, монах-францисканец Джованни дель Плано Карпини. В конце 1245 г. на пути в Монголию он проследовал через земли Юго-Западной Руси, встретился с князем Василько Романовичем, епископами и боярами и зачитал им грамоту папы о «единстве святой матери церкви» (Carpine 1989: 304; Карпини 1957: 67). Продолжив путешествие, Карпини ранней весной следующего года где-то в придонских

степях повстречался и с самим Даниилом, возвращавшимся из Орды (Carpine 1989: 330; Карпини 1957: 81-82).

Неясно, однако, мог ли Даниил Романович успеть ответить на обращение папы, доставленное на Русь Карпини, и – главное – мог ли этот ответ Даниила быть доставлен к папскому двору в Лион до 3 мая 1246 г.

Историки не раз высказывали на этот счет свои сомнения. Некоторые авторы склонялись к мнению, что начало контактов галицко-волынского князя с Апостольским престолом было обусловлено каким-то другим папским посольством на Русь, не связанным с миссией Карпини (Goetze 1854: 20; Дашкевич 1884; Altaner 1924: 221).

Недавно Виталий Нагирный высказал предположение, что Даниил мог выразить готовность к унии с Римской церковью под влиянием проповеди доминиканцев, активно действовавших в Юго-Западной Руси. Своей буллой от 21 марта 1245 г. Иннокентий IV предоставлял доминиканцам широкие полномочия для христианской проповеди в том числе в «странах раскольников», что могло подразумевать проповедь церковной унии на Руси. «Кажется вполне вероятным, – пишет историк, – что Даниил встретился с доминиканцами по дороге к монголам, уже выехав из Владимира, и, пользуясь случаем, обратился через них к Апостольскому престолу» (Nagirnyj 2011: 254).

Однако это и подобные предположения, на наш взгляд, опираются лишь на косвенные свидетельства источников, требующие более или менее вероятных интерпретаций, и, поэтому, выглядят менее основательно, чем хорошо документированная версия о посредничестве Плано Карпини, во всех отношениях более подходящего на роль инициатора контактов Даниила с папой.

Мы знаем не только о пребывании Карпини на Руси, но и о его личных встречах и переговорах об унии сначала с князем Василько, а затем и с Даниилом. Описание этих событий, оставленное самим папским легатом, не вызывает сомнений. Известна также и папская булла, которую Карпини, по его словам, зачитывал во Владимире-Волынском в присутствии

русских епископов. Почти наверняка, это – окружное послание о единстве церкви от 25 марта 1245 г., адресованное «ко всем досточтимым братьям патриархам, архиепископам и епископам в землях болгар, влахов, хазар, славян, сербов, аланов, зихов, готов, иберов, грузин, нубийцев, несториан, остальных христиан Востока». Примечательно, что эту буллу в своей миссионерской деятельности использовали именно францисканцы: единственный сохранившийся ее список происходит из архива францисканского монастыря в Анконе (Haluščynskyj, Wojnar 1962: 48-49, nr. 21).

Но даже те историки, кто признавал Карпини в качестве наиболее вероятного посредника в установлении контактов Даниила Галицкого со Святым Престолом, парадоксальным образом полагали, что первое обращение русского князя к курии было сделано до его личной встречи с папским легатом.

Йозеф Уминьский, к примеру, считал, что послов к папе мог направить брат Даниила Василько Романович сразу после переговоров с Карпини во Владимире-Волынском. Это должно было произойти в конце 1245 или в самом начале 1246 гг., и в таком случае послы волынского князя успели бы достигнуть Лиона ранее 3 мая 1246 г. (Umiński 1922: 91, nr. 3). К подобному решению склонялся в одной из своих работ и Дариуш Домбровский (Домбровский 2006: 122). Высказывалось также предположение, что о готовности Романовичей к церковной унии папу уведомил кто-то из польских князей, способствовавших наведению контактов Руси с Апостольским престолом, и это произошло уже после первой встречи Василька и Карпини в Кракове осенью 1245 г. (Bartnicki 2005: 123).

Однако, как явствует из содержания булл от 3 мая, они были изданы в ответ на обращение к папе именно *короля Руси* (а не кого-то из его родственников или иных лиц).

По всей видимости, в папских посланиях *королем Руси* мог именоваться тогда только Даниил Романович, поскольку только этого русского правителя Иннокентий IV титулует *illustri regi Russiae* в дальнейшем, – как в посланиях, адресованных самому Даниилу (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 459v. Nr. 172-

174; Fol. 460v. Nr. 187; Fol. 555. Nr. 38; см. также: Haluščynskij, Wojnar 1962: 85, nr. 41; 86, nr. 42; 87, nr. 43; 91, nr. 48; 108, nr. 57), так и в переписке с третьими лицами (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 460v. Nr. 188; Fol. 461v. Nr. 202; Vol. 22. Fol. 308v. Nr. 25; см. также: Haluščynskij, Wojnar 1962: 89, nr. 46; 152, 154, n. 6; Ptašnik 1914: 33, nr. 60). К брату Даниила, волыньскому князю Василько Романовичу (Wasyłco) папа применяет другой титул – *светлейший король Лодомерии* (*illustri regi Lodomeriae*) (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 459v. Nr. 172-173; Fol. 460v. Nr. 187; Fol. 490v. Nr. 419).

Как видим, остается только одна возможность объяснить причину появления серии «русских» булл Иннокентия IV от 3 мая 1246 г.: эти документы возникли в результате обращения к папе короля Руси Даниила Романовича после его переговоров с Плано Карпини.

Однако это наиболее естественное, казалось бы, объяснение вызывает все новые возражения тех исследователей, кто уверен, будто Даниил не смог бы успеть выслать послов к папе после встречи с Карпини на Дону, точнее говоря, этим посланом не хватило бы времени доставить письмо Даниила в Лион до 3 мая 1246 г. (Abraham 1904: 123, рг. 3; Чубатий 1917: 43. – Из новейших работ см.: Bartnicki 2005: 122; Nagirnyj 2011: 253; Dąbrowski 2012: 268). Получается своего рода замкнутый круг: историки вновь и вновь пускаются в догадки относительно того, кто и когда мог уведомить папу о готовности Даниила к унии, но оперируют по большей части в пределах одних и тех же версий.

Наибольшую поддержку у новейших исследователей находит, как кажется, версия, выдвинутая еще в 1904 г. Владиславом Абрахамом. Историк полагал, что какое-то послание папе Даниил должен был отправить еще до своей поездки к Батью и, следовательно, перед прибытием на Русь Плано Карпини. Последний, проезжая через Чехию, получил сведения о заинтересованности Даниила в контактах с папой. Прибыв во Владимир-Волынский и лично убедившись в этом, Карпини направил соответствующий доклад папе (Abraham

1904: 123-124, рг. 3. См. также: Чубатий 1917: 43; Свідерський 1983: 107; Головки 2008: 74).

К версии Абрахама в последнее время склоняется и Д. Домбровский. По его мнению, вся серия папских булл от 3 мая была ответом на предполагаемое донесение Карпини, отправленное им в Лион после встречи с Василько Романовичем (Dąbrowski 2012: 267, 277).

Далее Домбровский обращает внимание на важный с его точки зрения факт: в майских буллах Иннокентия IV «светлейший король Руси» значится без указания личного имени. Вслед за Н. Чубатым новейший историк находит объяснение этому необычному в его понимании обстоятельству в осторожности Карпини как посредника на переговорах курии с волынскими князьями. Зная о поездке Даниила в Орду, папский легат не был уверен, что тот вообще сможет благополучно вернуться на родину. По этой самой причине майские буллы могли предназначаться не только Даниилу, но и его возможному преемнику (Dąbrowski 2012: 277. См. также: Чубатий 1917: 43).

Версия о дипломатической предусмотрительности папы, проявившейся в выборе формулы инскрипции майских посланий в адрес короля Руси нам представляется наиболее уязвимой. Приняв ее, мы должны допустить, что в предполагаемом донесении в Лион о результатах своих экуменических переговоров на Волыни Карпини уведомил папу о готовности короля Руси к унии. Между тем, в своих записках папский легат ясно дает понять, что волынский князь Василько и собранные им епископы отложили решение вопроса об унии до возвращения из Орды Даниила. «Они (князь Василько и епископы. – А. М.) не могли дать решительный ответ, – писал Карпини, – и нам для окончательного ответа надлежало ждать возвращения Даниила» (Carpine 1989: 304; Карпини 1957: 67).

Если папский легат и уведомил курию о прошедших в отсутствие Даниила Романовича переговорах, то совершенно невероятно, чтобы при этом он сообщил сведения, впоследствии им самим опровергнутые. Еще труднее допустить, чтобы римский понтифик, не дожидаясь положительного ответа

от Даниила, действительного *короля Руси*, мог писать, обращаясь к этому последнему, что, «склоняясь к его мольбам», принимает его самого и все его королевство под свое покровительство.

Отсутствие личного имени короля Руси в папских посланиях к нему, на наш взгляд, также не дает достаточных оснований считать, будто римский понтифик не знал или не был уверен в том, кто именно из русских князей станет их получателем.

Мы не располагаем оригиналами посланий, и можем судить об их содержании только по сохранившимся архивным записям в папских регестах. В регестах Иннокентия IV можно найти немало примеров фиксации папских посланий без указания личного имени адресатов. В частности, без указания личного имени здесь зарегистрированы послания, адресованные другим христианским правителям Востока, например, к королям Армении и Кипра (Reg. Vat. Vol. 22. Fol. 200. Nr. 34; см. также: Halašćunskyj, Wojnar 1962: 143, nr. 81).

Более того, в регестах Иннокентия IV зафиксированы послания с инскрипциями, не содержащими личных имен, адресованные европейским монархам, насчет личности которых понтифик не мог иметь никаких сомнений, – королям Франции, Англии и Венгрии: *illustri regi Francie* в буллах от 1 января 1244 и 3 января 1245 г. (Rodenberg 1887: 35, nr. 45; 57, nr. 78); *regi Anglorum illustri* в булле от 1 марта 1246 г. (Rodenberg 1887: 114, nr. 152); *regi Ungarie illustri* в булле от 21 августа 1245 г. (Rodenberg 1887: 99, nr. 131).

Но, – главное, – отсутствие личного имени короля Руси в сокращенных архивных копиях еще не означает, что этого имени не было в оригиналах посланий Иннокентия IV на Русь от 3 мая 1246 г. Думать так позволяет следующий весьма примечательный факт. В архивной записи содержания буллы, адресованной братьям-проповедникам, посылаемым для пребывания при короле Руси, сделано несколько пропусков в тексте в тех местах, где должны были значиться личные имена корреспондентов папы.

Переписчик по каким-то причинам пропустил имя одного из получателей буллы: «Брату Алексею и ..., его спутнику» (Fratrī Alexiō et ... sociō eius). Вероятно, архивному копиисту осталось неясным или вызвало какие-то сомнения также личное имя короля Руси, о чем свидетельствует следующий пропуск в записи, воспроизведенный всеми ее публикаторами: «Желая внять просьбам дражайшего во Христе сына нашего ..., светлейшего короля Руси» (Cupientes carissimi in Christo filii Nostri ... regis Russiae illustris votis annuere) (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 276. Nr. 482).

Наличие в записи характерного пропуска перед словами *regis Russiae*, – т. е. в том самом месте, где могло значиться только личное имя *короля Руси*, – позволяет думать, что в копируемом оригинале документа это имя было указано. Во всяком случае, папским посланцам надлежало в точности знать, к кому именно из русских князей они были направлены.

О времени возвращения Даниила из Орды

Нам представляется, что серия «русских» булл Иннокентия IV появилась в ответ на письмо к нему Даниила Романовича, отправленное в Лион вскоре после встречи и переговоров князя с папским легатом Плано Карпини.

В числе свидетелей своего пребывания у татар Карпини называет Даниила и его людей: «Король Даниил Русский со всеми воинами и людьми, именно с теми, которые прибыли с ним, нашел нас вблизи ставок Картана, женатого на сестре Бату» (Карпини 1957: 81-82). В другом месте, описывая свой путь в ставку Батыея через земли половцев (команов), Карпини уточняет, что «некий князь по имени Кортан» кочует у Дона (Карпини 1957: 70). И хотя личность Картана (Kartan, Carbon), чье имя передано Карпини в ономастической форме, не поддается идентификации (Pelliot 1973: 56), известно, что донские половцы обычно уходили зимовать на Нижний Дон. Здесь, очевидно, и встретил Карпини русского князя, возвращавшегося со своими людьми от Батыея.

Расстояние от устья Дона до Владимира-Волынского (через Переяславль и Киев) составляет около тысячи километров. Сколько времени должен был затратить Даниил на преодоление этого пути?

Изучая хронологию известий Галицко-Волынской летописи, относящихся к поездке старшего Романовича в Орду, М. С. Грушевский сопоставил их с данными Карпини, ехавшего вслед за Даниилом и подробно описавшего свой путь к Батю. В результате историк установил: «У Бату Даниил пробыл, по словам летописца, 25 дней. Где-то в середине марта 1246 г. его встретил Карпини на Дону, когда Даниил уже возвращался. Плано Карпини ехал от Киева до Бату ровно два месяца; Даниил мог бы совершить эту поездку несколько быстрее, но из приведенных дат того не видно». Исходя из этих расчетов, на Волынь Даниил вернулся не ранее начала или даже середины мая 1246 г. (Грушевский 1901: 33).

В направлении, заданном Грушевским, рассуждают и новейшие авторы. По подсчетам Л. В. Войтовича: «Папское посольство, выехав из Киева 4 февраля, меняя коней по 3–4 раза в день (чего не мог себе позволить княжеский поезд с породистыми боевыми и вьючными лошадьми, которых нельзя было заменить на монгольских ямах-станциях), двигаясь даже ночью, добралось до ставки Батю лишь 4 апреля, т. е. через два месяца [...] Учитывая время и место встречи князя с Плано Карпини на полпути между ставками Коренци (Курумьши) и Батю, можно утверждать, что до Киева он (Даниил. – А. М.) мог добраться не ранее конца апреля 1246 г.» (Войтович 2014: 55. См. также: Александрович, Войтович 2013: 129).

Согласно Д. Домбровскому, Даниилу и его дружина добирались от Дона до Волыни не менее одного или даже двух месяцев. Впрочем, исследователь явно ошибочно определил расстояние, которое должен был преодолеть Даниил: «по прямой линии, разделявшей Дон (в районе современного Ростова) и Владимир-Волынский (условно говоря, здесь князя ожидала его семья)» составляет около 1800 км (!) (Dąbrowski 2012: 268, рг. 697). В действительности таково расстояние между Владимиром-Волынским и ставкой Батю в низовьях Волги.

Неосновательными нам представляются и предположения насчет скорости движения Даниила: допуская, что «свита князя двигалась со скоростью 60 (очень быстро) или 30 (нормально) километров в сутки», новейший историк склоняется к мысли, что скорость не могла быть высокой: «Мы не думаем, что перемещение было быстрым, поскольку люди Даниила не использовали монгольских стреманных лошадей, как это делали Карпини и его люди» (Dąbrowski 2012: 268, pr. 697).

Нам представляется, что встреча Платона Карпини с Даниилом Галицким в придонских степях свидетельствует, скорее, об обратном. Папский посол и русский князь нашли друг друга в чистом поле, несомненно, потому, что следовали по одному и тому же пути, используемому монголами. Встретить друг друга они, скорее всего, должны были на одной из монгольских «станций», где путники меняли лошадей и отдыхали после дороги. Следуя по монгольскому пути в ставку хана (и обратно), путешественники, очевидно, пользовались монгольскими лошадьми, как наиболее приспособленными для дальних переходов в степной местности в зимнее время.

Едва ли можно сомневаться в том, что Даниилу был известен трагический случай с людьми великого князя Ярослава Всеволодовича, ехавшими вслед за князем к татарам на собственных лошадях и погибшими в безжизненных степях кангитов (восточных соседей половцев): «люди князя Русского, Ярослава, ехавшие к нему, в татарскую землю, в большом количестве умерли в этой пустыне», – отметил интересующий нас случай Карпини (Карпини 1957: 72).

Использование монгольских путей сообщения и лошадей позволяло не только избежать подобной трагедии, но и двигаться с максимально возможной скоростью: «Мы проехали через нее (Руссию. – *А. М.*), – читаем у Карпини, – наивозможно быстро, так как всякий день, по пяти или семи раз на дню, у нас бывали свежие лошади, за исключением того времени, когда мы ехали по пустыням, как сказано выше, и тогда мы получали лошадей лучших и более крепких, могущих выдерживать непрерывный труд» (Карпини 1957: 72).

Доказательством использования не только Плано Карпини, но и Даниилом Романовичем монгольских лошадей для поездки в Орду, как нам представляется, можно считать описанную папским посланником перемену лошадей, которую он вынужден был сделать в Киеве.

Прибыв сюда в сопровождении «служителя» волынского князя Василька Романовича, Карпини получил добрый совет от киевского «тысячника» и других «знатных людей»: «Они нам ответили, что если мы поведем в Татарию тех лошадей, которые у нас были, то они все могут умереть, так как лежали глубокие снега, и они не умели добывать копытами траву под снегом, подобно лошадям Татар, а найти им для еды что-нибудь другое нельзя, потому что у Татар нет ни соломы, ни сена, ни корму» (Карпини 1957: 67).

Не приходится сомневаться, что такое же предупреждение киевский тысячник должен был сделать и Даниилу, которому также предстояло ехать в Орду в зимний период, и у Даниила, как и у Карпини, по всей видимости, не оставалось другого выбора, как только пересесть на выносливых и неприхотливых «лошадей татар».

Заметим, кстати, что использование Даниилом и его дружиной татарской конской сбруи и вооружения подтверждает Галицко-Волынская летопись. В сообщении о встрече русского князя, венгерского короля и послов германского императора в Братиславе (Пожонь, Пожг) летом 1248 (или 1249) г. читаем о большом удивлении немецких послов при виде татарской сбруи, боевых конных доспехов и оружия воинов Даниила: «Немьци же дивящееся оружью татарьскомоу, беша бо кони в личинахъ и в коярехъ кожанахъ, и людье во ярыцехъ» (Ипат. лет. 1998: 814. См. также: Маіогон 2014b: 147-161). Использование монгольского конского доспеха, надо думать, предполагало использование соответствующих пород лошадей, для которых этот доспех был предназначен.

Как уже отмечалось, при определении времени, затраченного Даниилом на поездку к Батью, историки обычно пользуются данными, приведенными Карпини в отчете о своей по-

ездке в Орду, проделанной по тому же маршруту и спустя все-го три месяца

Действительно, от Киева до Сарай-Бату (локализуется, вероятно всего, на реке Ахтубе, притоке Волги, примерно в 120 км выше современной Астрахани) Карпини, по его словам, добирался два месяца. Однако, почти половину этого времени ему пришлось потратить на посещение татарского военачальника Куремсы (Коренцы), чья ставка находилась где-то в низовьях Днепра. Получив разрешение и сопровождающих для дальнейшего следования, 26 февраля (в понедельник, после первого воскресенья Четырдесятницы) папский легат покинул лагерь Куремсы и, двигаясь с утра до ночи на сменных лошадях, «проезжая столько, сколько лошади могли пройти вскачь», прибыл к Бату 4 марта (в среду Страстной Недели) (Карпини 1957: 70).

Таким образом, за 37 дней пути Карпини преодолел ок. 1400 км, двигаясь со средней скоростью ок. 40 км в день. Примерно с такой же скоростью Карпини проехал путь от Сарая до Каракорума (локализуется в окрестностях современного монгольского города Хархорин), преодолев не менее 4500 км за 105 дней, выехав «в день Воскресения Господня» (Карпини 1957: 71) (8 апреля), папский посол достиг столицы монголов «в день блаженной Марии Магдалины» (Карпини 1957: 74) (22 июля), проходя ежедневно по 40–45 км.

Однако, скорость движения Карпини не может быть надежным ориентиром для определения скорости и продолжительности поездки в Орду русского князя. Нужно учитывать, что свое путешествие не имевший специальной подготовки монах-францисканец совершал в весьма пожилом возрасте. Если исходить из принятой в новейшей литературе даты рождения Карпини (ок. 1180 г.) (Guzman 2000: 307; Lampert-Weissig 2010: 88; Phillips 2013: 28), то ко времени поездки в Монголию ему было уже не менее 65 лет.

Видимо, в силу возраста и отсутствия специальных навыков папский легат путешествовал в телеге (или подводе). Об этом он прямо свидетельствует в своих записках. Из Киева папские послы продолжили путь на подводах, купленных у

местного тысячника: «нам надлежало дать подарки тысячнику, чтобы заслужить его милость для получения себе подвод и провозатых»; «на повозке по снегу» Карпини ехал до Киева с Вольни (Карпини 1957: 67). И далее, добираясь до ставки Куремсы, папские послы просили у встречаемых ими татарских начальников «дать подводы и провозатых» (Карпини 1957: 68-69).

Трудно допустить, чтобы русский князь со своей дружиной добирался до ставки Батыя на телеге. Между тем, совершенно очевидно, что скорость движения при езде верхом и на подводах значительно различается. Об этой разнице прямо свидетельствует сам Карпини. Несмотря на всю «возможную поспешность», с которой папских послов везли от Куремсы к Батыю, их опередили верховые гонцы, отправленные одновременно с ними: «Но, прежде чем нам попасть к Бату, двое из наших татар поехали вперед, чтобы передать ему все слова, которые мы сказали у Коренцы» (Карпини 1957: 70).

Для нашей цели, как кажется, более подходит пример другого путешественника в Монголию середины XIII в. – посла французского короля Людовика IX Гийома (Вильгельма) де Рубрука. В отличие от Карпини Рубрук, несомненно, имел опыт далеких путешествий: как участник Седьмого Крестового похода (1248–1254) он сопровождал своего короля в Святую Землю, откуда, по его поручению, отправился к татарам. Кроме того, исходя из принятой в новейшей литературе даты рождения Рубрука (ок. 1215 г.) (Guérett-Laferté 2009: 373), ко времени своего путешествия в Монголию он по меньшей мере на четверть века был моложе Карпини.

Рубрук на собственном опыте мог испытать разницу между путешествием на верховых лошадях и на телегах. По прибытии морским путем в крымский порт Судак (Согдайя) королевский посланец доверился совету знакомых купцов и пересел на телеги: «Константинопольские купцы посоветовали мне взять телеги и даже купить в собственность крытые повозки, в которых русские перевозят свои меха [...] Я послушался тогда их совета, однако на свою беду, так как был в пути до Сартаха два месяца, а если бы я поехал на лошадях, то

мог бы совершить этот путь в один месяц» (Рубрук 1957: 89-90).

Первоначально Рубрук скрывал цели своей поездки и путешествовал под видом простого миссионера, вынужденный самостоятельно заботиться о средствах передвижения, что весьма замедляло его путь. Однако, добравшись до ставок Сартака, а затем Батыя, посланник французского короля открыл свой истинный статус, подтвердив его королевскими грамотами. После этого доставку Рубрука и его спутников к великому хану монголы взяли на себя, предоставив послам своих лошадей и все необходимое снаряжение (Рубрук 1957: 122).

В результате скорость движения королевского посольства существенно возросла. На сменных монгольских лошадях, по словам Рубрука, путники «почти всякий день, как я мог рассчитывать, делали такое расстояние, как от Парижа до Орлеана (ок. 100 км. – *А. М.*), а иногда и больше, смотря по тому, какое у нас было количество лошадей». Впрочем, иногда движение замедлялось: «Именно иногда мы меняли лошадей дважды или трижды в день, а иногда ехали без перемены два или три дня, потому что не встречали народа, и тогда приходилось ехать медленнее» (Рубрук 1957: 123).

Свой путь от Сарая до Каракорума Рубрук проделал за 101 день. Из ставки Батыя он выехал «на второй день после Воздвижения Святого Креста» (Рубрук 1957: 122) (16 сентября 1253 г.), и прибыл ко двору великого хана «в праздник святого евангелиста Иоанна» (Рубрук 1957: 136) (27 декабря 1253 г.). При этом, Рубрук по дороге сделал по крайней мере один длительный отдых на 12 дней (в городе Кайлак (Khaulak) «мы отдыхали 12 дней») (Рубрук 1957: 126), и, видимо, еще несколько дней потратил на посещение описываемых им городов и селений. Судя по всему, его чистое время в пути не превышает 85 дней. Таким образом, средняя суточная скорость Рубрука достигала 50–55 км. На обратном пути из Каракорума в Сарай он двигался еще быстрее, потратив ок. 70 дней («мы ехали до Бату два месяца и 10 дней») (Рубрук 1957: 183), и, следовательно, преодолевал до 60–65 км в день.

Очевидно, что более корректным сравнением для поездки в Орду Даниила должны быть результаты путешествия Рубрика: оба они были опытными всадниками и отправились в далекий путь к монголам примерно в одном возрасте.

Это общее соображение подтверждают летописные данные, доказывающие, что конная дружина Даниила обладала гораздо большей мобильностью, чем думают новейшие историки.

В Галицко-Волынской летописи находим следующие важные для нас свидетельства. Получив весть об отъезде из Галича боярина Судислава, своего главного врага, Даниил поспешил захватить город врасплох и «иде в мале дружинне к Галичю изо Оугровьска, во третии день вывшоу емоу на ночь во Галичъ» (1230 г.) (Ипат. лет. 1998: 758). Расстояние между Угровском и Галичем по прямой – около 240 км, следовательно, дружина Даниила двигалась со скоростью ок. 80 км в сутки.

За один день войско Даниила, снаряженное тяжелыми стенобитными орудиями, преодолело путь от Холма до Люблина, форсировав реку Вепрь: «единого дне быста под градомъ из Холма со всеми вои и пращами» (1245 г.) (Ипат. лет. 1998: 796). Расстояние от Холма до Люблина – 65 км. Преследуя ятвягов от Владимира-Волынского, дружина Василька Романовича на третий день достигла Дрогичина: «гна же по нихъ Василко из Володимеря, оугони е и бывшоу емоу третии день из Володимеря въ Дорогычине» (1248 г.) (Ипат. лет. 1998: 799). Расстояние от Владимира до Дрогичина составляет ок. 210 км, т. е. средняя суточная скорость дружины Василька составляла ок. 70 км (см.: Рыбаков 1969: 354).

Русские летописи сохранили сведения и о более дальних переходах русских дружин, совершаемых в темпе форсированного марша. Так, торопясь на соединение с войсками Дмитрия Донского, новгородские дружины 5 августа 1380 г. прибыли в Тверь («вскоре приидоша, в четыре или в пять дни») (Никон. лет. 2000: 23), преодолев расстояние примерно в 350 км, т. е. делая в день минимум по 70 км.

Проанализировав летописные данные о походах конных дружин, относящиеся к домонгольскому периоду, А. Н. Кирпичников сделал вывод: «Быстрота передвижения конных масс являлась условием не только военного, но и политического успеха соперничающих феодалов. В XII–XIII вв. дневной переход конной дружины составлял примерно 50–60 км (иногда и значительно больше)» (Кирпичников 1971: 58).

Примерно с такой же скоростью перемещались со своей свитой светские и церковные правители Западной Европы. Как установил еще Фридрих Людвиг, в XII–XIII вв. для длительных путешествий, продолжавшихся несколько недель и даже месяцев, «обычной нормой передвижения можно считать ежедневную дистанцию в диапазоне от 40 до 45 км», для менее продолжительных поездок норма дневного перехода могла достигать 60 км и более (Ludwig 1897: 180 f. См. также: Ohler 1986: 138-144).

Выехавший из ставки Куремсы 26 февраля и двигавшийся со скоростью ок. 40 км в день, Карпини мог достичь низовьев Дона примерно через 15 дней, т. е. его встреча с Даниилом могла произойти ок. 12 марта.

Если, направляясь в Орду, Даниил, по-видимому, был обременен грузом подарков для татар, то в обратный путь он отправился, скорее всего, налегке. Князь не имел никаких причин задерживаться в степи и, следовательно, должен был возвращаться домой со всей возможной скоростью.

Надо думать, что, возвращаясь от Батыея, Даниил воспользовался прямой дорогой через Переяславль и Киев. Именно такой дорогой князь изначально намеревался ехать в Орду, но по прибытии в Переяславль был, по словам летописи, остановлен татарами, заставившими изменить маршрут и ехать сперва к Куремсе: «И прииде Переяславлю, и стретоша татарове. Оттуда же еха къ Куремесе» (Ипат. лет. 1998: 806). У нас нет сведений о том, что, возвращаясь домой, князю пришлось искать какие-то обходные пути или согласовывать свой маршрут с кем-то из степных правителей. Ставшему непосредственным вассалом Батыея и получившему от него подтверждение своих княжеских прав, Даниилу, очевидно, более не

требовалось, как это было по пути в Орду, ехать на поклон к Куремсе и просить разрешения на дальнейший проезд.

Проезжая по 50–60 км в день, Даниил мог успеть вернуться в свою новую столицу город Холм за 20–25 дней, границ Волынской земли князь мог достичь уже в конце марта – начале апреля 1246 г. Даже если бы князь ехал со скоростью Карпини (40 км в день), он добрался бы до Холма на 30-й день пути, т. е. не позднее конца первой декады апреля.

Этот наш вывод согласуется с важным хронологическим указанием Галицко-Волынской летописи, имеющим прямое отношение к возвращению Даниила из Орды. Рассказ о поездке князя к Батью в самом конце прерывает небольшая вставка – сообщение о неудавшемся походе на ятвягов Василька Романовича и мазовецкого князя Конрада: поход был прекращен из-за обильного снегопада, и войска вернулись домой с полдороги. Сообщение об этом походе летописец начинает словами: «Тое же зимы Кондрать присла посоль по Василка» (Ипат. лет. 1998: 808).

По мнению М. С. Грушевского, выражение «Тое же зимы» относится ко времени, когда «Даниил ездил в Орду». Конрад пригласил Василька в поход на ятвягов, скорее всего, в начале 1246 г. Далее Грушевский делает важное замечание о совпадении по времени похода на ятвягов и возвращения из Орды Даниила: «Замечу, что эта запись – вставка, которая разбивает рассказ о возвращении Даниила из Орды ("Бысть же ведомо странамъ приходить его" – то есть Даниила, в то время как летописец говорит о Василько)» (Грушевский 1901: 33).

Действительно, вставка в конце рассказа о поездке Даниила в Орду краткого сообщения о малозначительном и никак не связанном с самой этой поездкой событии могла иметь целью обозначить хронологически возвращение Даниила, произошедшее сразу после окончания неудавшегося похода на ятвягов, предпринятого на исходе зимы, т. е. в конце февраля – начале марта 1246 г. Таким образом, летописный рассказ о поездке Даниила в Орду, отражающий важнейшее для судьбы Галицко-Волынской Руси событие, отмечен в летописи сразу двумя хронологическими вехами, относящимися к началу по-

ездки («изииде же на праздникъ святаго Дмитрея» (Ипат. лет. 1998: 806), – 26 октября 1245 г.) и к ее завершению (окончание неудавшегося похода на ятвягов Василька и Конрада, – вероятнее всего, конец марта 1246 г.).

Послания и посольства Даниила в Лион

По всей видимости, свое письмо папе Даниил Галицкий написал под непосредственным впечатлением от встречи и переговоров с Плано Карпини. Не исключено, что папский легат даже мог участвовать в его составлении. Во всяком случае, именно Карпини должен был рекомендовать Даниилу в качестве наставников в католической вере двух чешских доминиканцев – Алексея и не названного по имени «его спутника, который был с ним в Богемии» (упомянуты в «русских» буллах Иннокентия IV). Именно через Богемию проходил путь Карпини: прежде чем «отправиться к Татарам, мы прибыли к королю Богемскому», который «был благосклонен к нам издавна». Король Вацлав (Венцеслав) I сыграл ключевую роль в выборе дальнейшего маршрута: он посоветовал папскому послу следовать через Польшу и Русь, а также дал «хороших провожатых» (Карпини 1957: 66). Не этими ли «провожатыми» были упомянутые выше доминиканцы?

Два обстоятельства, как кажется, указывают на возможную связь этих последних с Карпини.

В адресованной королю Руси папской булле от 3 мая 1246 г. говорится, что богемские доминиканцы направлялись к нему «с теми же полномочиями, как у тех, кто были отправлены к татарам» (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 481) (т. е. с полномочиями, которыми обладал Карпини). А в булле, адресованной самим доминиканцам, Иннокентий IV писал, что направляет их к королю Руси по его просьбе («желая внять просьбам дражайшего во Христе сына нашего... , светлейшего короля Руси, и стремясь во всем с божьей помощью удовлетворить его желание») (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 276. Nr. 482). Из папских документов никак не следует, что богемские проповедники когда-

либо бывали на Руси. Едва ли, поэтому, Даниил выбрал упомянутых наставников, будучи заранее знаком с ними лично. Скорее, наоборот: «богемские братья» были выбраны русским князем по рекомендации третьего лица, а сам Даниил, возможно, даже не знал точного имени второго из братьев (отсюда – характерный пропуск в папских посланиях).

По-видимому, этих же чешских доминиканцев Иннокентий IV еще раз упоминает в булле от 13 сентября 1247 г., адресованной майнцкому архиепископу и эрцканцлеру Священной Римской империи Зигфриду III фон Эпштейну (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 461v. Nr. 202). Отмечая заслуги некоего клирика Гецело из Вильсторфа (*Hezelo de Vilstorf*) в деле установления отношений курии с Даниилом Романовичем, понтифик упоминает о посольстве, которое направил к папе галицко-волынский князь. В составе его были аббат монастыря св. Даниила, чье имя обозначено начальными буквами *Gr*, и два доминиканца, чьи имена обозначены инициалами *H* и *A*: «...возлюбленных сынов Гр., аббата Горы Святого Даниила, и братьев Г. и А. из ордена братьев-проповедников, посланников дражайшего во Христе сына нашего Даниила, короля Руси...» (Ptašnik 1914: 33, nr. 60). В копии послания, которой располагал А. И. Тургенев, а также в регестах, опубликованных А. Поттхастом и Э. Берже, имя аббата приведено полностью (*Gregorii abbatis de monte sancti Danielis*) (Turgenev 1841: 66, nr. 75; Potthast 1875: 1069, nr. 12689; Berger 1884: 489, nr. 3251).

По всей видимости, об этом русском посольстве к папе, возглавляемом «аббатом Горы Святого Даниила», говорит и Плано Карпини. Возвращаясь из Монголии, он прибыл в Киев 9 июня 1247 г. («за пятнадцать дней до праздника блаженного Иоанна Крестителя») и еще через какое-то время затем добрался до Владимира-Волинского или Холма, где радушно был принят Даниилом и Васильком. Князья подтвердили, что «желают иметь Господина Папу своим преимущественным господином и отцом, а святую Римскую Церковь владычицей и учительницей». Тогда же Карпини узнал, что еще до его прибытия на Волинь князья отправили к папе некоего аббата:

«раньше сообщали по этому поводу чрез своего аббата (*abbatem suum*)». Новые грамоты и послов Даниил и Василько отправили к папе вместе с Карпини: «...и послали также с нами касательно этого к Господину Папе свою грамоту и послов» (Карпини 1957: 81).

Упоминаемым Иннокентием IV и Плано Карпини аббатом мог быть игумен монастыря Святого Даниила под Угровском. К такому выводу пришел еще В. Абрахам (Abraham 1904: 122, рг. 1). О существовании вблизи упомянутого города монастыря св. Даниила, заложенного князем Даниилом Романовичем, свидетельствует Галицко-Волынская летопись. Недавно его остатки были обнаружены и идентифицированы археологами. Остается, однако, нерешенным вопрос о соотношении *аббата Григория Горы Святого Даниила* и *игумена Григория Полонинского*, о котором летописец говорит как о святом человеке, обладавшем необыкновенными достоинствами: «Григорей же бяшетъ человекъ святъ, якоже не боудеть перед нимъ и ни по немъ не боудеть» (Ипат. лет. 1998: 859. См.: Майоров 2011a: 45-47).

Из сопоставления приведенных свидетельств следует, что братья-доминиканцы Алексей и, вероятно, Генрих (будущий ятвяжский епископ) (Майоров 2011b: 94-96), рекомендованные Даниилу Плано Карпини, действительно, прибыли к русскому князю и находились при нем около года. Подготовив Даниила и его окружение к унии с Римской церковью, братья-проповедники около середины 1247 г. отбыли к папскому двору в сопровождении игумена Григория, посла русского князя, и, вероятно, в августе достигли Лиона.

С пребыванием при папском дворе посольства Даниила Галицкого, возглавляемого *аббатом Григорием*, очевидно, связано появление серии ответных булл Иннокентия IV – в адрес *светлейшего короля Руси Даниила* и *светлейшего короля Лодомерии Василька*, датированных 27 августа и 12 сентября 1247 г. (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 459v. Nr. 172-174; Fol. 460v. Nr. 187), а также булл в адрес папского легата на Руси архиепископа Альберта Зуербеера от 28 августа и 7 сен-

тября (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 459v. Nr. 175-176; Fol. 460v. Nr. 188; Fol. 462v. Nr. 207).

Последнее из папских посланий к Даниилу, Василько и сыну Даниила отправлено на Русь 12 сентября, т. е. накануне отправки письма к майнцскому архиепископу, в котором папа отмечает заслуги клирика Гецело из Вильсторфа в установлении отношений курии с Даниилом. Данный документ, несомненно, свидетельствует об успешном завершении переговоров с русскими послами, продолжавшихся несколько недель в августе – сентябре 1247 г.

Как нам представляется, источники позволяют говорить, по меньшей мере, о трех обращениях Даниила Галицкого к папской курии, имевших место в 1246–1247 гг., ответом на которые стали «русские» послания Иннокентия IV, адресованные самому Даниилу, его брату Василько, не названному по имени сыну Даниила, а также папскому легату на Руси архиепископу Альберту Зуербееру.

Первая серия папских посланий от 3 мая 1246 г., очевидно, явилась ответом на письмо Даниила, отправленное в Лион после встречи и переговоров с Плано Карпини, состоявшихся в середине марта на обратном пути князя из Орды.

Вторая серия «русских» посланий Иннокентия IV, датированных августом – сентябрем 1247 г. стала результатом больших переговоров в Лионе посольства Даниила, его сына и брата Василька, возглавляемого игуменом Григорием, отправленного к папе после годичного пребывания при дворе Даниила братьев-проповедников Алексея и Генриха, наставлявших русских князей и их окружение в католической вере.

Наконец, ответом на третье посольство русских князей, прибывшее в Лион вместе с Плано Карпини (ноябрь 1247 г.), о котором последний упоминает в своих записках, стало появление буллы от 5 декабря, в которой Иннокентий IV дает разрешение на брак «светлейшему королю Лодомерии» Василько со «светлейшей королевой» Дубравкой, несмотря на то, что оба они состоят «в третьей степени родства» друг с другом (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 490v. Nr. 419).

Как нам представляется, о первых обращениях к курии Даниила Галицкого папа сообщает в письме к своему легату на Руси Альберту Зуербееру от 7 сентября 1247 г., где говорит о церковной унии с Русью как о решенном вопросе: «[...] дражайший во Христе сын наш Даниил, светлейший король Руси, которого Господь, не желающий смерти грешнику, но заботящийся, чтобы он обратился и жил [вечно], просветил своим милосердием, передал нам недавно в специальном письме и через послов, которые были присланы им к нам ради того же, свое смирение и настойчивую просьбу, чтобы мы его самого, весь его народ и королевство, донныне отрезанных от единства в вере, позаботились со свойственной нам милостью привести к церковному единству и верности Римской церкви, которая является главой и наставницей всех других»³.

В приведенном документе, на наш взгляд, речь идет, по меньшей мере, о двух обращениях Даниила к папе с просьбами об унии, что позволило понтифику отметить настойчивость короля Руси. Оба обращения имели место ранее отправки письма к майнцскому архиепископу, т. е. до 7 сентября 1247 г., и произошли незадолго до этой даты. В первый раз князь обратился к курии со специальным письменным посланием (*per litteras speciales*), а во второй раз провел переговоры через послов (*et nuntios*).

Если наша интерпретация верна, то в приведенном документе говорится о письме Даниила, доставленном в Лион незадолго перед 3 мая 1246 г., и посольстве игумена Григория, посещавшем Апостольскую столицу в августе – начале сентября 1247 г.

³ «[...] carissimus in Christo filius noster Daniel rex Rusciae illustris, cuius mentem Dominus, qui non vult mortem peccatoris, sed ut convertatur et vivat, sua misericordia illustravit, per litteras speciales et nuntios, quos propter hoc transmisit nuper ad nostram praesentiam, cum humilitate ac instantia postulavit a nobis, ut ipsum et totam gentem ac regnum eius, hactenus a fidei unione praeciosos, ad unitatem ecclesiasticam et devotionem Ecclesiae Romanae, quae aliarum omnium capud est et magistra, recipere de benignitate solita curaremus» (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 460v. Nr. 188).

О скорости движения курьеров русских князей

Однако наш вывод о доставке в Лион специального письма Даниила к папе ранее 3 мая 1246 г. не согласуется с расчетами некоторых исследователей относительно времени, необходимого для преодоления расстояния до Лиона посланцами русского князя.

«От Киева до Лиона по прямой, – писал В. Абрахам, – нужно считать около 2000 километров, и, считая по 40 километров пути в день, что на то время при дальнем путешествии было нормальной цифрой, мы получаем 50 дней на дорогу, но этого времени совершенно недостаточно для того, чтобы Даниил во Владимире мог обсудить весь этот вопрос (о церковной унии. – *А. М.*), и чтобы курия должным образом успела его рассмотреть» (Abraham 1904: 124, рг.).

По мнению Б. Я. Рамма, путь от Галича (куда в конце марта прибыл Даниил) до Лиона «должен был занять по крайней мере шесть недель (в действительности такое путешествие требовало в условиях весеннего бездорожья значительно большего времени)», и поэтому «послы Даниила могли прибыть в Лион лишь к 5–10 мая» (Рамм 1959: 162).

Прежде всего, как нам представляется, вопрос об унии не требовал со стороны Даниила долгих раздумий. Как сообщает Карпини, этот вопрос уже был рассмотрен и положительно решен Василько Романовичем, епископами и лучшими людьми. Расположенность волынских князей к церковной унии, несомненно, была обусловлена экуменическими переговорами между Римской и Греческой церквями, проходившими по инициативе папы Иннокентия IV с участием никейского императора Иоанна III Ватаца и патриарха Мануила II (подробнее см.: Майоров 2012а: 33-52).

К унии с Римом волынских князей, несомненно, склоняли их ближайшие соседи – польские князья во главе с Конрадом Мазовецким (см.: Szczesniak 1957: 12-20). Об экуменических контактах папы с Никеей Романовичи должны были знать от своей матери, византийской царевны Евфросинии (см.: Maiorov 2014а: 188-233), состоявшей в родстве с венгерской ко-

ролевой Марией Ласкариной, сестрой первой жены Иоанна III Ватаца. В письме от 30 января 1247 г. папа Иннокентий IV горячо благодарил венгерскую королеву за «настойчивые старания вернуть Ватаца и его народ в лоно матери церкви» (Halušcynskij, Wojnar 1962: 77, nr. 34). Судя по дате послания, контакты, которые Мария успешно наводила с Ватацем, должны были примерно совпадать по времени с первым обращением к папе Даниила Романовича.

Кроме того, свою роль в налаживании отношений волынских князей с папой, несомненно, должно было сыграть стремление курии установить прямые контакты и союз с монгольским ханом, чьим вассалом признал себя Даниил.

Даниил мог отправить гонца с письмом к папе уже из Киева, где его возвращения, скорее всего, дожидались люди Василька, подтвердившие готовность волынского князя, епископов и бояр к унии с Римской церковью.

Ф. Людвиг, автор специального исследования «О скорости передвижения курьеров и распространения новостей в 12-м и 13-м веках», делает важный для нас вывод: по данным западноевропейских источников дневная дистанция, преодолеваемая курьером, доставлявшим важную новость, составляла от 54 до 63 км (Ludwig 1897: 193).

Следовательно, двигавшийся по европейским дорогам средневековый курьер мог преодолеть расстояние ок. 2000 км при минимальной скорости за 37 дней, а при максимальной – за 32 дня.

Если встреча Карпини с Даниилом в низовьях Дона произошла ок. 12 марта, то, двигаясь через степь на Переяславль и далее на Киев со скоростью около 50 км в день, русский князь мог достичь днепровской столицы через 12 дней, т. е. около 24 марта. Княжеский гонец, отправленный из Киева к папскому двору, мог прибыть в Лион ок. 30 апреля (при скорости 54 км в день) или около 25 апреля (при скорости 63 км в день). Если же допустить, что посланец Даниила использовал в дороге переменных лошадей (как это делали монголы), то его время в пути могло быть еще меньше.

Гонец, высланный Даниилом вперед себя, нес весть о счастливом возвращении князя. Выехав за пределы Руси и продолжив путь далее на Запад, этот гонец оповестил о благополучном прибытии Даниила из Орды также правителей соседних стран, о чем свидетельствует летопись: «Бысть же ведомо странамъ приход его (Даниила. – А. М.) всимъ ис татаръ, яко Богъ спасль есть его» (Ипат. лет. 1998: 808-809).

Следуя через Венгрию, посланец Даниила донес сведения о согласии русского князя заключить союз с папой и признать его верховенство в церковных делах. Эти вести должны были подтолкнуть короля Белу IV к восстановлению союза с галицко-волынским князем. Во всяком случае, для венгерского короля они, очевидно, значили не меньше, чем известие о признании Даниила Батыем. Именно поэтому, как сообщает летопись, к Даниилу сразу после его возвращения от татар прибыл высокопоставленный посол венгерского короля с предложением мира и союза, основой которого должен был стать брак детей русского и венгерского правителей: «Въ то ж лето присла король оугорьскый вицькаго река: “Поими дщерь ми за сына своего Лва”» (Ипат. лет. 1998: 809. См.: Майоров 2012b: 65).

Волынские князья, несомненно, располагали опытными гонцами, способными доставлять сведения на большие расстояния в самое короткое время. По свидетельству Плано Карпини, Даниил Романович выехал в Орду лишь после того, как получил разрешение на проезд через степь от Батыя, доставленное специальным посланцем Василька. Об этом папский легат узнал во время встречи с последним в Кракове: Василько выслал вперед «своих послов, которые вернулись к нему и брату его, Даниилу, с охранной грамотой для проезда к Бату для господина Даниила» (Карпини 1957: 66).

Острая необходимость поездки в Орду возникла у Даниила после того, как к нему и его брату прибыли послы одного из татарских правителей по имени Мауци с требованием отдать Галич (очевидно, под власть самого Мауци или кого-то из его ставленников). Это требование, надо думать, и явилось непосредственной причиной поездки, поскольку Даниил отка-

зался отдавать свою «полуотчину» и поэтому должен был незамедлительно обратиться за защитой и покровительством к хану Батыю (Ипат. лет. 1998: 805-806).

Если исходить из последовательности летописного рассказа, послы Мауци прибыли к Романовичам вскоре после победы последних над Ростиславом Михайловичем и его союзниками в битве под Ярославом, произошедшей перед днем памяти свв. Фрола и Лавра («Яви же Богъ милость свою и дасть победу Данилоу на каноунъ великою мученикоу Фрола и Лавра») (Ипат. лет. 1998: 805), т. е. 17 августа 1245 г. (Грушевский 1901: 32).

Выходит, что между 17 августа и 26 октября (дата отъезда Даниила в Орду) должны были произойти два события: прибытие послов от Мауци и посольство Василька к хану Батыю за разрешением на проезд для старшего брата. Если послы Мауци прибыли к Романовичам сразу после Ярославской битвы, то на поездку в Орду и возвращение на Волынь послов Василька остается не более двух месяцев.

Сомнения некоторых новейших авторов в том, что посольство к Батыю князя Василька Романовича могло успеть вернуться на Волынь с ответом хана до 26 октября 1245 г. (см.: Bartnicki 2005: 109; Nagirnyj 2011: 227-228), на наш взгляд, основаны на неверных представлениях о скорости движения верхового курьера в средние века. Неверным нам представляется и сделанное на столь шатком основании и к тому же не согласующееся с показаниями летописи предположение об отправке посольства Василька к Батыю еще до Ярославской битвы (в июне – июле 1245 г.) (Nagirnyj 2011: 227-230).

Чтобы преодолеть за два месяца путь в 3600 км (расстояние от Владимира-Волынского до ставки Батия в оба конца), княжескому курьеру нужно было двигаться со скоростью не менее 60 км в день. Если же учитывать, что какое-то время нужно было затратить на ожидание положительного ответа в ханской ставке, скорость курьера должна быть несколько выше, т. е. примерно соответствовать верхнему значению средней суточной скорости курьера в Западной Европе.

Гецело (Гезель) из Вильсторфа

Сравнительно быстрая реакция курии на обращения к папе Даниила Романовича также находит объяснение в источниках. В письме от 13 сентября 1247 г. к майнцскому архиепископу, как мы уже видели, папа просит вознаградить за труды клирика Гецело из Вильсторфа, за которого ходатайствовали послы короля Руси Даниила в виду его важных услуг, на переговорах о церковной унии.

В документе читаем: «Поэтому мы, склонённые просьбами возлюбленных сынов Гр., аббата с Горы Святого Даниила, и братьев Г. и А. из ордена братьев-проповедников, посланцев дражайшего во Христе сына нашего Даниила, короля Руси, с которыми, как мы узнали, этот же клирик (Гецело из Вильсторфа. – *А. М.*) верно трудился в делах Апостольского престола, и желая поберечь его труды и расходы, поскольку он беден, поручаем тебе от имени Апостольского престола обеспечить, чтобы, если дело обстоит так, несмотря на этот отзыв решения или какую-либо льготу со стороны Апостольского престола, как упомянутые декан с капитулом, так и аббатиса с общиной поступили в соответствии с содержанием письма, отправленного им упомянутым схоластом. Те, кто возражает...». Далее текст обрывается⁴.

Из первой части письма узнаем о долгих и запутанных тяжбах, которые упомянутый клирик Гецело вел с церковными властями города Меца, где, он, по-видимому, добивался получения доходной должности:

⁴ «Dilectorum itaque filiorum Gr. abbatis de Monte Sancti Danielis, et fratrum H. et A. de ordine fratrum Predicatorum, carissimi in Christo filii nostri Danielis, regis Ruscie, nuntiorum, cum quibus idem clericus pro Sedis apostolice negotiis fideliter, ut accepimus, laboravit, precibus inclinati ac eius, cum pauper sit, volendo parcere laboribus et expensis, mandamus, quatenus, si est ita, revocatione huiusmodi vel qualibet apostolice Sedis indulgentia non obstante, tam a decano et capitulo, quam ab abbatissa et conventu predictis iuxta prefati scolastici directarum ad ipsos continentiam litterarum auctoritate facias apostolica provideri. Contradictores etc. Datum Lugduni Idus Septembris anno quinto» (Ptašnik 1914: 33, nr. 60).

«...Архиепископу Майнцскому. Возлюбленный сын Гецело из Вильсторфа, клирик, в нашем присутствии сообщил, что, поскольку мы некогда в нашем письме решили позволить тебе назначить двух или трех клириков в Кёльнской и Трирской провинциях на церковные должности оных с жалованием каждому вплоть до тридцати марок серебра в одной или нескольких церквях, возлюбленный сын ... схоласт Майнцкий, которому ты целиком предоставил свои обязанности в этом деле, ... поручил декану и капитулу Св. Теобальда Мецкого, чтобы они, приняв упомянутого клирика в каноники и в братья, милостиво приставили его к должности, которая в их церкви была бы свободной тогда, или когда к этому представится скорейший случай, и ... аббатисе и общине Св. Петра в том же месте – чтобы они назначили упомянутого клирика в какую-нибудь из церквей, относящихся к их пожертвованиям, так чтобы годовой доход оной достигал суммы в десять марок. А поскольку и упомянутые декан с капитулом, и аббатиса с общиной упорно отказывались это делать, тот же схоласт присудил их сперва к отстранению от должности, а затем к отлучению от церкви. Но поскольку в дальнейшем мы поручили без судебного шума остановить это дело – через того же схоласта и, наконец, поскольку он этим не озаботился, через ... декана Св. Сальватора Мецкого – и упомянутый декан через ... мецкого официала отменил приговоры, упомянутый клирик смиренно попросил у нас, чтобы мы с отеческой милостью соизволили, несмотря на это, дать ему назначение»⁵.

⁵ «.. Archiepiscopo Maguntino. Dilectus filius Hezelo de Vilstorf, clericus, in nostra proposuit presentia constitutus, quod cum nos olim tibi per nostras litteras duximus concedendum, ut posses duobus vel tribus clericis in Coloniensi et Treverensi provinciis in ecclesiasticis beneficiis eorum cuilibet usque ad summam triginta marcarum argenti in una vel pluribus ecclesiis providere, dilectus filius., scolasticus Maguntinus, cui commiseras in huiusmodi negotio totaliter vices tuas,, decano et capitulo sancti Theobaldi Metensis, ut eundem clericum recipientes in canonicum et in fratrem, prebendam, si qua in eorum ecclesia tunc vacabat vel quamcito se ad id offerret oportunitas, liberaliter assignarent ac., abbatisse et conventui sancti Petri, loci eiusdem, ut dicto clerico in aliqua ecclesiarum ad donationem suam spectantium, cuius redditus decem marcarum valorem attingeret

Изобилующее специальными подробностями относительно затянувшейся тяжбы Гецело из Вильсторфа с деканом и капитулом св. Теобальда, а также аббатисой и общиной св. Петра в Меце, письмо папы не дает ясного представления ни о личности самого Гецело, ни о его отношениях с Даниилом Романовичем.

Некоторые историки считают клирика Гецело/Гезеля немцем (Abraham 1904: 122). На это, как будто, указывает его личное имя: *Hezelo* – от нем. *Geselle* (‘помощник, подмастерье’), а также топонимическое прозвище *de Vilstorf*, отсылающее к одноименному селению (*Wilstorf*) под Гамбургом (ныне – в черте города). Существует также мнение, что *Гезель из Вильсторфа* имел какие-то связи с Польшей и, возможно, упоминается в одном из польских мартирологов второй половины XIII в. (см.: *Słownik* 1968–1970: 273).

Н. Чубатый полагал, что Гезель был немецким священником, проживавшим на Руси: «Этот немецкий священник, вероятно, где-то в державе Даниила был капелланом немецкой колонии». Когда Даниил Романович направил в Лион свое посольство во главе с игуменом Григорием, Гезель присоединился к послам (Чубатый 1917: 46-47).

Ближе к истине, как нам представляется, был В. Абрахам: «Этого Гецелона мы, однако, не считаем послом Даниила, так как не находим оснований, чтобы определить, каким образом он мог оказаться на Руси. Это был светский священник, происходивший из какого-то немецкого диоцеза на Рейне и служивший представителем Даниила при курии в качестве по-

annuatim, providerent, mandavit. Quod, quia tam decanus et capitulum, quam abbatissa et conventus predicti facere contumaciter denegarunt, idem scolasticus in eos primo suspensionis ac demum excommunicationis sententias promulgavit. Verum, cum postmodum per eundem scolasticum processum huiusmodi sine iudiciali strepitu ac tandem, eo id efficere non curante, per., decanum sancti Salvatoris Metensis mandaverimus revocari, ac dictus decanus per., officialem Metensem prefatas sententias fecerit relaxari, nobis prefatus clericus humiliter supplicavit, ut sibi super hoc providere paterna clementia curaremus» (Ptańnik 1914: 33, nr. 60).

мощника и посредника в налаживании переговоров» (Abraham 1904: 122, pr. 1).

Как следует из приведенного выше письма папы к майнцскому архиепископу, оставшийся без постоянной службы и связанных с ней доходов, Гезель из Вильсторфа некоторое время жил при папском дворе, пытаясь заслужить расположение понтифика. Здесь, по-видимому, ему было поручено вести дела курии, связанные с экуменической политикой на Востоке, что было одной из важнейших задач понтификата Иннокентия IV.

К своим новым обязанностям Гезель относился, надо думать, с большим усердием. По всей видимости, именно он отвечал за переговоры курии с Даниилом Романовичем, принимал посланцев короля Руси и участвовал в подготовке ответных посланий в его адрес. Проявленное им рвение, очевидно, было замечено на Руси, и Даниил поручил своим послам просить папу достойно вознаградить клирика.

Как бы то ни было, присутствие при папском дворе специального уполномоченного в переговорах по церковной унии с Русью, лично заинтересованного в успехе дела, несомненно, способствовало быстрой реакции курии на обращения Даниила. Кроме того, об успехе предварительных переговоров об унии, проведенных Плано Карпини с Василько Романовичем в Кракове в конце 1245 г. (Карпини 1957: 66-67. Подробнее см.: Szczesniak 1957: 14-17), курию должны были информировать польские князья или епископы.

При таких обстоятельствах обращение самого Даниила к папе, несомненно, было ожидаемым. Все это, как нам представляется, предопределило сравнительно быстрый ответ папы в виде серии «русских» булл от 3 мая 1246 г.

Автор: Майоров Александр Вячеславович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб. 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия). Санкт-Петербург, Россия.
a.v.maiorov@gmail.com

Литература, использованная в статье

- Александрович, Войтович 2013 – *Александрович В., Войтович Л.* Коль Данило Романович. Біла Церква, 2013.
- Войтович 2006 – *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Іїла Церква, 2006.
- Войтович 2014 – *Войтович Л. В.* О некоторых спорных проблемах изучения Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича и Даниила Романовича (заметки о новейшей историографии) // Русин. Международный исторический журнал [Кишинев]. 2014. № 1.
- Головко 2008 – *Головко О. Б.* Держава Романовичів у східноєвропейській політиці Римської курії 40–50-х років XIII ст. // Княжа доба: історія і культура. [Львів]. 2008. Вип. 2. С. 67-84.
- Голубинский 1997 – *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. М., 1997. Т. II. 1-я половина тома.
- Грушевський 1901 – *Грушевський М. С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. [Львів]. 1901. Т. 41. С. 1-72.
- Грушевський 1905 – *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. III.
- Дашкевич 1884 – *Дашкевич Н.* Переговори пап с Даниилом Галицким об унії юго-западной Руси с католичеством // Университетские известия. [Киев]. 1884. № 7. С. 136-181.
- Домбровский 2006 – *Домбровский Д.* Даниил Романович // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 14. С. 118-125.
- Ипат. лет. 1998 – *Ипатьевская летопись / Подг. А. А. Шахматов* // Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. II.
- Карпини 1957 – *Джиованни дель Плано Карпини.* История Монгалов / Пер. с лат. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н. П. Шастиной. М., 1957. С. 21-83.
- Кирпичников 1971 – *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Т. III: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л., 1971 (Свод археологических источников. Вып. Е1-36).
- Литвина, Успенский 2006 – *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X – XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Майоров 2011a – *Майоров А. В.* Был ли Даниил Галицкий коронован папой Иннокентием IV? // Русин. 2011. № 3. С. 42-49.
- Майоров 2011b – *Майоров А. В.* Апостольский престол и Никейская империя во внешней политике Даниила Галицкого // *Rossica antiqua*. 2011. № 1. С. 60-99.
- Майоров 2011c – *Майоров А. В.* Даниил Галицкий и начало формирования культа св. Даниила Столпника у Рюриковичей // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. № 4. С. 32-50.
- Майоров 2012a – *Майоров А. В.* Первая уния Руси с Римом // Вопросы истории. 2012. № 4. С. 33-52.

- Майоров 2012b – *Майоров А. В.* «Король Руси» в битве на Лейте // Русин. Международный исторический журнал [Кишинев]. 2012. № 3. С. 54-77.
- Майоров 2013 – *Майоров А. В.* Последний рубеж Западного похода Батыя и карпато-дунайские земли // Русин. Международный исторический журнал [Кишинев]. 2013. № 2. С. 6-18.
- Никон. лет. 2000 – Никоновская летопись / Подг. А. Ф. Бычков // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 11.
- Платонов 2000 – *Платонов О.* Святая Русь: Энциклопедический словарь русской цивилизации. М., 2000.
- Пчелов 2001 – *Пчелов Е. В.* Рюриковичи. История династии. М., 2001.
- Пчелов 2003 – *Пчелов Е. В.* Монархи России. М., 2003.
- Рамм 1959 – *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.; Л., 1959.
- Рапов 1977 – *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.
- Рапов 1997 – *Рапов О. М.* История России в лицах: с древности до наших дней. Биографический словарь. М., 1997.
- Рубрук 1957 – *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны / Пер. с лат. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н. П. Шастиной. М., 1957. С. 85-194.
- Рыбаков 1969 – *Рыбаков Б. А.* Военное искусство // Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч. 1: Материальная культура / Под ред. А. В. Арциховского и др. М., 1969. С. 344-389.
- Свідерський 1983 – *Свідерський Ю. Ю.* Боротьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії в X–XIII ст. Київ, 1983.
- Ужанков 2009 – *Ужанков А. Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. М., 2009.
- Чубатий 1917 – *Чубатий М.* Західна Україна і Рим у XIII віці у своїх змаганнях до церковної унії // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. [Львів]. 1917. Т. 123-124. С. 1-108.
- Abraham 1904 – *Abraham W.* Powstanie organizacji kościoła łańcińskiego na Rusi. Lwów, 1904. Т. I.
- Altaner 1924 – *Altaner B.* Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts. Forschungen zur Geschichte der kirchlichen Unionen und der Mohammedaner- und Heidenmissionen des Mittelalters. Habelschwerdt (Schles.), 1924.
- Ammann 1936 – *Ammann A. M.* Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's: Studien zum Werden der russischen Orthodoxie. Romae, 1936 (Orientalia Christiana Analecta. T. 105).
- Ammann 1948 – *Ammann A. M.* Storia della Chiesa russa e dei paesi limitrofi, Torino, 1948.
- Ammann 1960 – *Ammann A. M.* Gedanken zu einigen neueren Veröffentlichungen aus der früh-russischen Kirchengeschichte // Ostkirchliche Studien 9, 1960.
- Barbiche 1975 – *Barbiche B.* (ed.). Les actes pontificaux originaux des Archives Nationales de Paris. 3 Vols. Citta del Vaticano, 1975-1982. Vol.1. 1975.

Bartnicki 2005 – *Bartnicki M.* Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264. Lublin, 2005.

Berger 1884 – *Berger E.* (ed.). Les Registres d'Innocent IV. (1243–1254). Paris, 1884. T. I (Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome. 2e sér. T. 1).

Boyle 2001 – *Boyle L. E.* A survey of the Vatican archives and of its mediæval holdings. Toronto, 2001 (Subsidia Mediaevalia. T. 1).

Bunge 1853 – *Bunge Fr. G., von* (hrsg.). Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Reval: Kluge und Ströhm, 1853. Bd. I: 1093–1300.

Bzovius 1621 – *Bzovius (Bzovski), Abraham.* Annalium ecclesiasticorum post... Caesarem Baronium... Coloniae Agrippinae, 1621, T. 13.

Carpine 1989 – *Giovanni di Pian di Carpine.* Storia dei Mongoli / Ed. E. Menestò. Spoleto, 1989.

Dąbrowski 2012 – *Dąbrowski D.* Król Rusi Daniel. Biografia polityczna (ok. 1201–1264). Kraków, 2012.

Eubel 1913 – *Eubel C.* Hierarchia catholica medii aevi. Monasterii, 1913. T. I (1198–1431).

Forstreuter 1963 – *Forstreuter K.* Zur Geschichte des Christburger Friedens von 1249. // Zeitschrift für Ostforschung. 1963. Bd. 12.

Goetze 1854 – *Goetze P. O. von.* Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Ehstland. St. Petersburg, 1854.

Gruber 1740 – *Gruber J. D.* (ed.). Origines Livoniae sacrae et civilis, seu chronicon Livonicum vetus. Francofurti; Lipsiae, 1740.

Guérett-Laferté 2009 – *Guérett-Laferté M.* William of Rubruck // Christian-Muslim relations. A bibliographical history. Vol. 4 (1200–1350) / Eds. D. Thomas, A. Mallett. Leiden; Boston, 2009 (History of Christian-Muslim relations. Vol. 17). P. 373-380.

Guzman 2000 – *Guzman G. G.* John of Plano Carpini // Trade, Travel and Exploration in the Middle Ages / Eds. J. B. Friedman, K. M. Figg. New York, 2000. P. 307-309.

Haluščynskyj, Wojnar 1962 – *Haluščynskyj, Theodosius T. et Wojnar, Meletius M.* (eds.). Acta Innocentii PP. IV (1243–1254): e regestis [sic] vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt. Romae: Institutum jur can Universitatis Monacensis, 1962 (Pontificiae commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Series III. Vol. 4/1).

Herde 1967 – *Herde P.* Beiträge zum päpstlichen Kanzlei- und Urkundenwesen im 13 Jh. Kallmünz, 1967.

Kaltenbrunner 1884 – *Kaltenbrunner F.* 'Römische Studien I. Die päpstlichen Register des 13. Jahrhunderts (mit zwei Urkunden-Facsimile)' // *Mitteilungen des österreichischen Instituts für Geschichtsforschung* (MIÖG). 1884. Bd. 5.

Lampert-Weissig 2010 – *Lampert-Weissig L.* Medieval Literature and Post-colonial Studies. Edinburgh, 2010.

Ludwig 1897 – *Ludwig Fr.* Untersuchungen über die Reise- und Marschgeschwindigkeit im XII. und XIII. Jahrhundert. Berlin, 1897.

Maiorov 2014a – *Maiorov A. V.* The daughter of a Byzantine Emperor – the wife of a Galician-Volhynian Prince // *Byzantinoslavica*. 2014. Vol. 72/1-2. P. 188-233.

Maiorov 2014b – *Maiorov A. V.* The imperial Purple of the Galician-Volynian Princes // *Русин. Международный исторический журнал [Кишинев]*. 2014. № 2. С. 147-161.

Nagirnyj 2011 – *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264. Kraków, 2011 (Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej PAU. T. 12).

Napiersky 1848 – *Napiersky K. E.* (ed.). *Scriptores rerum Livonicarum: Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Esth- und Kurland*. Riga; Leipzig, 1848. T. I.

Natalini 2000 – *Natalini T.* *Archivio segreto vaticano*. Vaticano, 2000.

Niccolò di Calvi 1990 – *Niccolò di Calvi*. *Vita Innocentii IV // Melloni A.* Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della cristianità come regimen unius personae. Genoa, 1990. P. 269-270.

Ohler 1986 – *Ohler N.* *Reisen im Mittelalter*. München, 1986.

Patze 1958 – *Patze H.* *Der Frieden von Christburg von Jahre 1249 // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*. 1958. Bd. 7.

Pelliot 1973 – *Pelliot P.* *Recherches sur les Chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient*, ed. J. Dauvillier, L. Hambis, Paris, 1973.

Phillips 2013 – *Phillips K. M.* *Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245–1510*. Philadelphia, 2013.

Potthast 1875 – *Potthast A.* (ed.). *Regesta Pontificarum Romanorum*. Berlini, 1875. T. II.

Ptaśnik 1914 – *Ptaśnik J.* (ed.). *Analecta Vaticana 1202–1366*. Cracoviae, 1914 (=Monumenta Poloniae Vaticana. T. III).

Raynaldi 1667 – *Raynaldi, Odorico*. *Annales Ecclesiastici: ex tomis octo ad unum pluribus auctum redacti*. Romae: Ex Typografia Varesij, 1667. T. 13.

Ripoll 1729 – *Ripoll, Thomas* (ed.). *Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum*. Romae: Mainard, 1729. T. I: 1215–1280.

Rodenberg 1887 – *Rodenberg C.* (ed.). *Epistolae saeculi XIII e Regestis Pontificum Romanorum*. Berlini, 1887. T. II (Monumenta Germaniae Historica. Epistolae. T. II).

Rubruc 1929 – *Itinerarium Willelmi de Rubruc / Ed. A. van den Wyngaert // Sinica Franciscana*. Vol. I: *Itinera et relationes fratrum Minorum saeculi XIII et XIV*. Florence, 1929. P. 164-332.

Schwarz 1972 – *Schwarz B.* *Die Organisation kurialer Schreiberkollegien von ihrer Entstehung bis zur Mitte des 15: Jahrhunderts*. 1972.

Selart 2002 – *Selart A.* Riia peapiiskop Albert Suerbeer ja Descriptiones terrarum // *Tuna: ajalookultuuri ajakiri*. Tallinn, 2002. Nr. 2. S. 11–21.

Selart 2007 – *Selart A.* *Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert*. Köln, 2007 (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 21).

Słownik 1968–1970 – *Słownik staropolskich nazw osobowych*. T. II / Pod red. W. Taszyckiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968–1970.

Soranzo 1930 – *Soranzo G.*, Il papato, l'Europa cristiana e i Tartari, un secolo di penetrazione occidentale in Asia. Milano, 1930.

Szczesniak 1957 – *Szczesniak B.* The Mission of Giovanni de Plano Carpini and Benedict the Pole of Vratslavia to Halicz // *Journal of Ecclesiastical History*. 1957. Vol. 7. P. 12-20.

Turgenev 1841 – *Turgenev A. I.* *Historica Russiae Monumenta*. Petropoli, 1841. T. I.

Umiński 1922 – *Umiński J.* Niebezpieczeństwo tatarskie w poł. XIII w. a papież Innocenty IV. Lwów; Warszawa, 1922 (*Rozprawy Historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego*. T. 1. Z. 4, 9).

Welykyj 1953 – *Welykyj A. G.* (ed.). *Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953)*. Romae, 1953. T. I (*Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni*. Series II. Sectio 3).

Wenzel 1869 – *Wenzel G.* (ed.). *Codex Diplomaticus Arpadianus Continuatus*. Pest: Eggenberger Ferdinánd Akademiai, 1869. T. 7 (*Monumenta Hungariae Historica*. Diplomataria. T. 12).

Zatko 1957 – *Zatko J.* The Union of Suzdal: 1222–1252 // *Journal of Ecclesiastical History*. 1957. Vol. VIII. Nr. 1. P. 33-52.

Information about the article

Author: Maiorov Alexander – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Museology of the Institute of History of the St. Petersburg State University (7-9, Universitetskaya nab., St.Petersburg, 199034, Russia). a.v.maiorov@gmail.com

Title: Epistle of Pope Innocent IV to Daniel Galitsky: materials for historical and archaeological comment.

Summary: in this paper is argued that the contacts of Daniel Galitsky with Pope Innocent IV were initiated by Giovanni del Plano Carpini – the Envoy of the Holy See in the Tartaria. Daniel has decided to union with the Church of Rome after a personal meeting with Carpini, which occurred in mid-March 1246 in the lower reaches of the Don. Upon arrival in Kiev prince sent a messenger to the Pope. A series of "Russian" bulls of Innocent IV dated May 3, 1246 were a response to the appeal of Daniel, delivered by courier to Lyon at the end of April. Based on the analysis of historical data about the speed of riding courier in the Middle Ages the author of the article concludes that the letter of Daniel would have been delivered to Lyon within 32-37 days. The relatively quick response of the Curia to the appeal of the Russian prince was due to the assistance of the cleric Hezelo de Vilstorf, personally interested in the success of the negotiations.

Keywords: Daniil Galitsky, Innocent IV, Plano Carpini, Church Union.

References (transliteration)

Aleksandrovich V., Vojtovich L. *Korol' Danilo Romanovich* [King Daniel Romanovich]. Bila Cerkva, 2013. (In Ukrainian).

Vojtovych L. V. *Knjazha doba na Rusi: portrety elity* [Princely epoch in Ancient Rus: portraits of the elite]. Bila Cerkva, 2006. (In Ukrainian).

Vojtovich L. V. O nekotoryh spornyh problemah izuchenija Galicko-Volynskoj Rusi vremen Romana Mstislavicha i Daniila Romanovicha (zametki o novejshej istoriografii) [Some disputed issues study Galicia-Volyn Russia while Roman Mstislavovich and Daniel Romanovich (notes on modern Historiography)]. *Rusin. International historical magazine*. 2014, nr 1, pp. 52-63. (In Russian).

Golovko O. B. Derzhava Romanovichiv u shidnojevropejs'kij politici Rims'koji kuriji 40–50-h rokiv XIII st. [Country a Romanovichi in the Eastern European politics of the Roman Curia 40–50s of the 13th century]. *Knjazha doba: istorija i kul'tura*. [Lviv]. 2008, issue 2, pp. 67-84. (In Ukrainian).

Golubinskiy E. *Istoriya russkoy tserkvi* [The history of the Russian Church]. Moscow, 1997. Vol. 2, pt. 1.

Grushevs'kyj M. S. Hronol'ogija podij Galic'ko-Volyns'koji litopisy [Chronology of events of the Galicia-Volhynian Chronicle]. in: *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka*. [Lviv], 1901, vol. 41, pp. 1-72. (In Ukrainian).

Dashkevich N. Peregovory pap s Daniilom Galickim ob unii jugo-zapadnoj Rusi s katolichestvom [Talks popes with Daniel Galicia for the Union southwestern Russia with Catholicism]. *Universitetskie izvestija*. [Kiev]. 1884, nr. 7, pp. 136-181. (In Russian).

Dombrovskij D. Daniil Romanovich [Daniel Romanovich], in: *Pravoslavnaia enciklopedija* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2006. Vol. 14, pp. 118-125. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 2: Ipatievskaya letops' [The Hypatian Chronicle], Moscow, 1998. (In Russian).

Dzhiovanni del' Plano Karpini. *Istoriya Mongalov* [Giovanni del Plano Carpini. The history of Mongals], transl. by A. I. Malein, In: *Puteshestvija v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruck], ed. N. P. Shastina. Moscow, 1957. pp. 21-83. (In Russian).

Kirpichnikov A. N. *Drevnerusskoe oruzhie*. T. III: Dosp'eh, kompleks boevykh sredstv XII–XIII vv. [Old Russian weapons. Vol. III: Armor, a complex of means of combat the ninth and thirteenth centuries]. Leningrad, 1971 (=Body of archaeological sources, issue E1-36). (In Russian).

Litvina A. F., Uspenskij F. B. *Vybor imeni u russkikh knjazej v X – XVI vv.: Dinasticheskaja istorija skvoz' prizmu antroponimiki* [Selecting a name from the Russian princes in the X - XV centuries .: dynastic history through the prism of anthroponimics]. Moscow, 2006.

Maiorov A. V. Apostol'skij prestol i Nikejskaja imperija vo vneshnej politike Daniila Galickogo [The Apostolic See and the Empire of Nicaea in foreign policy of Daniel Galitsky]. *Rossica antiqua*, 2011, nr. 1, pp. 60-99. (In Russian).

Maiorov A. V. Byl li Daniil Galickij koronovan papoj Innokentiem IV? [Was Daniel Galitsky crowned by Pope Innocent IV?]. *Rusin. International historical magazine*. 2011, nr. 3, pp. 42-49. (In Russian).

Maiorov A. V. Pervaja unija Rusi s Rimom [The First Rus'-Rome Union]. *Voprosy Istorii*, 2012. nr. 4, pp. 33-52. (In Russian).

Maiorov A. «Korol' Rusi» v bitve na Lejte [«The king of Russia» in the battle of Leitha]. *Rusin. International historical magazine*. 2012, nr. 3, pp. 54-77. (In Russian).

Maiorov A.V. Posledniy rubezh Zapadnogo pokhoda Batyya i Karpato-Dunayskie zemli [The last frontier of Batu's Western campaign and the Carpathian-Danube lands]. *Rusin. International historical magazine*. 2013, nr 2, pp. 6-12. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 11: Nikonovskaya letopis' [The Nikonian Chronicle], Moscow, 2000. (In Russian).

Platonov O. *Svjataja Rus': Jenciklopedicheskij slovar' russkoj civilizacii* [Holy Russia: Encyclopedic Dictionary of Russian civilization]. Moscow, 2000. (In Russian).

Pchelov E. V. *Rjurikovichi. Istorija dinastii* [Rurik. The history of the dynasty]. Moscow, 2001. (In Russian).

Pchelov E. V. *Monarhi Rossii* [Russian monarchs]. Moscow, 2001. (In Russian).

Ramm B. Ja. *Papstvo i Rus' v X-XV vv.* [The Papacy and Rus in the 10–15th centuries]. Moscow; Leningrad, 1959. (In Russian).

Rapov O. M. *Knyazheskie vladenija na Rusi v X – pervoy polovine XIII v.* [Princely tenure in Russia in 10 - the first half of the 13th century]. Moscow, 1977. (In Russian).

Rapov O. M. *Istoriya Rossii v litsakh: s drevnosti do nashikh dnei. Biograficheskij slovar'* [History of Russia in the people: from antiquity to the present day. Biographical Dictionary.]. Moscow, 1997. (In Russian).

Gil'om de Rubruk. *Puteshestvie v vostochnye strany* [Guillaume de Rubruck. Travel to the eastern countries], transl. by A. I. Malein, in: *Puteshestvija v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruck], ed. N. P. Shastina. Moscow, 1957, pp. 85-194. (In Russian).

Rybakov B. A. *Voennoe iskusstvo* [The military Art], in: *Ocherki russkoj kul'tury XIII-XV vv. Ch. 1: Material'naja kul'tura* [The essays on Russian Culture 13–15th centuries. Part One: The material culture], eds. A. V. Archiovskij, other. Moscow, 1969, pp. 344-389. (In Russian).

Sviders'kyj Ju. Ju. *Borot'ba Pivdenno-Zahidnoi Rusi proti katolic'koj ekspansii v X-XIII st.* [The fighting of Southwest Russia against the Catholic expansion in the 10–13th centuries]. Kiev, 1983. (In Ukrainian).

Uzhankov A. N. Problemy istoriografii i tekstologii drevnerusskikh pamyatnikov 11–13 vv. [Problems of textual criticism, and historiography of ancient monuments of the 11–13th centuries.] Moscow, 2009. (In Russian).

Chubatyj M., *Zahidna Ukraïna i Rim u XIII vici u svoïh zmagannjah do cerkovnoi unii* [Western Ukraine and Rome in the 13th century in their quest for Church Union], in: *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka*. [Lviv], 1917, vol. 123-124, pp. 1-108. (In Ukrainian).

Abraham W. *Powstanie organizacyi kościola łacińskiego na Rusi* [The creation of the Latin church organization in Russia]. Lwów, 1904. Vol. 1. (In Polish).

Altaner B. *Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts. Forschungen zur Geschichte der kirchlichen Unionen und der Mohammedaner- und Heidenmissionen des Mittelalters*. Habelschwerdt (Schles.), 1924. (In German).

Ammann A. M. *Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's: Studien zum Werden der russischen Orthodoxie*. Romae, 1936 (=Orientalia Christiana Analecta. T. 105). (In German).

Ammann A. M. *Storia della Chiesa russa e dei paesi limitrofi*, Torino, 1948. (In Italian).

Ammann A. M. Gedanken zu einigen neueren Veröffentlichungen aus der früh-russischen Kirchengeschichte. *Ostkirchliche Studien*. 1960, nr. 9, pp. 97-122. (In German).

Barbiche B. (ed.). *Les actes pontificaux originaux des Archives Nationales de Paris*. 3 Vols. Citta del Vaticano, 1975-1982. Vol.1. 1975. (In French).

Bartnicki M. *Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264* [Foreign Policy Prince Daniel Halicki in the years 1217-1264]. Lublin, 2005. (In Polish).

Berger E. (ed.). *Les Registres d'Innocent IV. (1243–1254)*. Paris, 1884. Vol. 1 (=Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome. 2e sér. T. 1). (In French).

Boyle L. E. *A survey of the Vatican archives and of its medieval holdings*. Toronto, 2001 (=Subsidia Mediaevalia. T. 1).

Bunge Fr. G., von (hrsg.). *Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten*. Reval: Kluge und Ströhm, 1853. Vol. 1. (In German).

Bzovius (Bzovski), Abraham. *Annalium ecclesiasticonim post... Caesarem Baronium... Coloniae Agrippinae*, 1621, Vol. 13.

Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli* / Ed. E. Menestò. Spoleto, 1989. (In Italian).

Dąbrowski D. *Król Rusi Daniel. Biografia polityczna (ok. 1201–1264)* [The King Rus Daniel. Political Biography (approx. 1201-1264)]. Kraków, 2012. (In Polish).

Eubel C. *Hierarchia catholica medii aevi. Monasterii*, 1913. Vol. 1.

Forstreuter K. Zur Geschichte des Christburger Friedens von 1249. *Zeitschrift für Ostforschung*. 1963, vol. 12. (In German).

Goetze P. O. von. *Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Ehtsland*. St. Petersburg, 1854. (In German).

Gruber J. D. (ed.). *Origines Livoniae sacrae et civilis, seu chronicon Livonicum vetus*. Francofurti; Lipsiae, 1740.

Guérett-Laferté M. William of Rubruck, in: *Christian-Muslim relations. A bibliographical history*. Vol. 4 (1200–1350) / Eds. D. Thomas, A. Mallett. Leiden; Boston, 2009 (=History of Christian-Muslim relations. Vol. 17). pp. 373-380.

Guzman G. G. John of Plano Carpini. in: *Trade, Travel and Exploration in the Middle Ages* / Eds. J. B. Friedman, K. M. Figg. New York, 2000. pp. 307-309.

Haluščynskij, Theodosius T. et Wojnar, Meletius M. (eds.). *Acta Innocentii PP. IV (1243–1254): e regestis [sic] vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt*. Romae, 1962 (=Pontificiae commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Series III. Vol. 4/1).

Herde P. *Beiträge zum päpstlichen Kanzlei- und Urkundenwesen im 13 Jh.* Kallmünz, 1967. (In German).

Kaltenbrunner F. Römische Studien I. Die päpstlichen Register des 13. Jahrhunderts (mit zwei Urkunden-Facsimile), in: *Mitteilungen des österreichischen Instituts für Geschichtsforschung (MIÖG)*. 1884. Vol. 5. (In German).

Lampert-Weissig L. *Medieval Literature and Postcolonial Studies*. Edinburgh, 2010.

Ludwig Fr. *Untersuchungen über die Reise- und Marschgeschwindigkeit im XII. und XIII. Jahrhundert*. Berlin, 1897. (In German).

Maiorov A. V. The daughter of a Byzantine Emperor – the wife of a Galician-Volhynian Prince. *Byzantinoslavica*. 2014, vol. 72/1-2, pp. 188-233.

Maiorov A. V. The imperial Purple of the Galician-Volynian Princes. *Rusin. International historical magazine*. 2014, nr. 2, pp. 147-161.

Nagirnyj W. *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264*. Kraków, 2011 (=Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej PAU. T. 12).

Napiersky K. E. (ed.). *Scriptores rerum Livonicarum: Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Esth- und Kurland*. Riga; Leipzig, 1848. Vol. 1.

Natalini T. *Archivio segreto vaticano*. Vaticano, 2000. (In Italian).

Niccolò di Calvi. Vita Innocentii IV, in: Melloni A. *Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della cristianità come regimen unius personae*. Genoa, 1990, pp. 269-270. (In Italian).

Ohler N. *Reisen im Mittelalter*. München, 1986. (In German).

Patze H. Der Frieden von Christburg von Jahre 1249. *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*. 1958, vol. 7, pp. 39-91. (In German).

Pelliot P. *Recherches sur les Chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient*. Paris, 1973. (In French).

Phillips K. M. *Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245–1510*. Philadelphia, 2013.

Pothast A. (ed.). *Regesta Pontificalium Romanorum*. Berolini, 1875. Vol. 2.

Ptaśnik J. (ed.). *Analecta Vaticana 1202–1366*. Cracoviae, 1914 (=Monumenta Poloniae Vaticana. T. III).

Raynaldi, Odorico. *Annales Ecclesiastici: ex tomis octo ad unum pluribus auctum redacti*. Romae, 1667. Vol. 13.

Ripoll, Thomas (ed.). *Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum*. Romae, 1729. Vol. 1.

Rodenberg C. (ed.). *Epistolae saeculi XIII e Regestis Pontificum Romanorum*. Berolini, 1887. Vol. 2 (=Monumenta Germaniae Historica. Epistolae. T. II).

Schwarz B. Die Organisation kurialer Schreiberkollegien von ihrer Entstehung bis zur Mitte des 15 Jahrhunderts. Rom, 1972. (In German).

Selart A. Riia peapiiskop Albert Suerbeer ja Descriptiones terrarum [Riga archbishop Albert Suerbeer and Descriptiones terrarum]. *Tuna: ajalookultuuri ajakiri*. 2002, nr. 2, pp. 11–21. (In Estonian).

Selart A. *Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert*. Köln, 2007 (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 21). (In German).

Słownik staropolskich nazw osobowych [Dictionary of Old Polish personal names]. Vol. 2. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968–1970. (In Polish).

Soranzo G. *Il papato, l'Europa cristiana e i Tartari, un secolo di penetrazione occidentale in Asia*. Milano, 1930. (In Italian).

Szczesniak B. The Mission of Giovanni de Plano Carpini and Benedict the Pole of Vratislavia to Halicz. *Journal of Ecclesiastical History*. 1957, vol. 7, pp. 12–20.

Turgenev A. I. Historica Russiae Monumenta. Petropoli, 1841. Vol. 1.

Umiński J. *Niebezpieczeństwo tatarskie w poł. XIII w. a papież Innocenty IV* [Tartar danger in the first half. 13th century and Pope Innocent IV]. Lwów; Warszawa, 1922 (=Rozprawy Historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. T. 1. Z. 4, 9). (In Polish).

Welykyj A. G. (ed.). *Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953)*. Romae, 1953. Vol. I (=Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni. Series II. Sectio 3).

Wenzel G (ed.). *Codex Diplomaticus Arpadianus Continuatus*. Pest: Eggenberger Ferdinánd Akademiai, 1869. Vol. 7 (=Monumenta Hungariae Historica. Diplomataria. T. 12).

Zatko J. The Union of Suzdal: 1222–1252. *Journal of Ecclesiastic History*. 1957, vol. 8, nr. 1, pp. 33–52.